

СЕРГЕЙ ФОМИН

« ЦАРСКОЕ ДЕЛО »

Н.А. СОКОЛОВА

И

« LE PRINCE DE L'OMBRE »

КНИГА ПЕРВАЯ

Сергей Фомин

**«Царское дело» Н.А. Соколова
и «Le prince de l'ombre». Книга 1**

«КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО»

2021

УДК 323.4
ББК 63.3(2)6

Фомин С. В.

«Царское дело» Н.А. Соколова и «Le prince de l'ombre». Книга
1 / С. В. Фомин — «КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ СВЯТОГО
ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО» , 2021

ISBN 978-5-4249-0075-5

Эта история о следователе Николае Алексеевиче Соколове – человеке высокого мужества, необычайной стойкости, верности, неподкупности и честности. О главном его деле – расследовании убийства Царской Семьи, которое, без преувеличения, стало и делом жизни и смерти всей Исторической России. История о человеке, понявшем и всем сердцем принявшем сформулированное им самим тождество: «Правда о смерти Царя – правда о страданиях России», и жизнью своей подтвердившем это.

УДК 323.4
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4249-0075-5

© Фомин С. В., 2021
© «КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ РУССКИЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ
ВЕЛИКОГО» , 2021

Содержание

От издателя	6
Читателям	8
Явление «Le prince de l'ombre»	10
Бой с тенью	11
Родовая травма	27
«Быть может, за стеной Кавказа»	43
«В парке Чаир распускаются розы»	52
Прощай, Россия!	65
Урало-сибирское следствие	79
Следователь Н.А. Соколов	79
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Сергей Фомин
«Царское дело» Н.А. Соколова и
«Le prince de l'ombre». Книга первая

Русский Издательский Центр имени святого Василия Великого

© Сергей Фомин, 2021

© Русский издательский центр имени святого Василия Великого, оригинал-макет, оформление, 2021

От издателя

Для тех, кто – вслед за большевиками – отрицает убийство всей Царской Семьи, а в последние годы активно продвигает идею тождества т. н. «екатеринбургских останков» Царским мощам основным камнем преткновения является следствие, проведенное в 1919–1924 гг. Николаем Алексеевичем Соколовым. Прежде, чем утверждать свои версии, им нужно сокрушить его. Иначе не получается... Именно этому расследованию, судьбе самого Н.А. Соколова и его дела и посвящено авторское исследование историка Сергея Владимировича Фомина, человека, большую часть своей жизни посвятившего поискам и доказательствам исторической правды.

В предлагаемой книге он подробно, опираясь на сохранившиеся документы и воспоминания очевидцев, раскрывает подлинную историю расследования зверского убийства Семьи последнего русского Императора, хронологически выстраивая непростую цепь политических обстоятельств, предшествующих этому злодеянию, и последовавших вслед за ним событий, продолжающихся вплоть до наших дней.

«Царское Дело» С.В. Фомина – это более чем достойный ответ всем, так называемым «историкам»¹, и их конъюнктурной попытке увести разговор о «екатеринбургских останках» в сферу «беспорных научных доказательств», всякий раз возникающих накануне очередной попытки их «официального» признания.

*Председатель Русского Просветительного Фонда имени Святителя Василия Великого
В.В. Бойко-Великий*

«...Вновь назначенный судебный следователь Николай Алексеевич Соколов вступил в дело, составляющее эру в истории России и русского народа. В ту минуту по побледневшему, серьезному выражению его лица, по нервно дрожавшим рукам было видно, что он глубоко и убежденно признавал ответственность, принимавшуюся им на себя перед своим народом и историей. Он понимал, что впредь вся его дальнейшая жизнь должна

---

¹ «Царская голгофа» в свете следственного дела А. Наметкина – И. Сергеева – Н. Соколова 1918–1924 годов (https://ruskline.ru/analitika/2020/10/29/carskaya_golgofa_v_sвете_sledstvennogo_dela_a_nametkina_i_sergeeva_n_sokolova_godov)

быть посвящена исключительно работе по раскрытию этого кошмарного преступления и оставлению будущей России всестороннего, обоснованного, а, главное, правдивого материала для истинного понимания русским человеком истории трагической кончины прямой линии Дома Романовых и правильной оценки национально чистых и верных вере своего народа Главы и Членов Августейшей Семьи».

Генерал М.К. Дитерихс

Читателям

Книга эта² о следователе Николае Алексеевиче Соколове – человеке высокого мужества, необычайной стойкости и верности, неподкупном, честном и о главном его деле, но также – без преувеличения – деле жизни и смерти всей Исторической России – расследовании убийства Царской Семьи. Понявшем и всем сердцем принявшем сформулированное им самим: «Правда о смерти Царя – правда о страданиях России». Жизнью своей и смертью подтвердившем это.

Приняв назначение, одним лишь фактом добросовестного исполнения своих обязанностей он вошел в непримиримое противостояние с прямыми (большевиками, чекистами, коминтерновцами) и скрытыми (либералами и демократами местного разлива, западными союзниками и масонами) противниками Царя и Его России. (Спор этот, в котором каждый сам выбирает свою сторону, всё еще длится и не скоро будет завершен..)

Следствие проходило в сложной обстановке сначала гражданской войны, а потом нищей эмигрантской жизни послевоенной Европы.

Всё это время его поддерживали единицы. Лишь на первом официальном этапе следствия это были имевшие определенный вес люди (адмирал А.В. Колчак и генерал М.К. Дитерихс). На втором этапе их было также немного, но то были уже совершенно не имевшие никакого влияния люди, столь же обездоленные, как и сам Николай Алексеевич.

Но главное – неизменно верным делу оставался он сам. Вопреки хроническому безденежью, сильнейшему давлению, постоянному риску чекистской расправы.

Просто удивительно, сколько ему все же удалось сделать за сравнительно короткий период своей нищей эмиграции: провести множество допросов, добиться проведения экспертиз, изготовить копии коварно отнятого у него дела, написать итоговую книгу. Его и убили как раз тогда, когда ему уже почти удалось прорвать блокаду молчания, найти надежную материальную поддержку для завершения дела и широкого – на весь мир – обнародования результатов расследования.

Жизнь следователя, ход расследования и судьба самого дела, пропавших вещдоков и частиц мощей Царственных Мучеников – всё это дает нам ответ на главный вопрос. Однако более полную правду об убийстве Царской Семьи мы узнаем не ранее, чем Россия освободится от морока, навалившегося на нее в 1917-м.

* * *

...Книга основана на серии из 83 постов «К пониманию “Le prince de l'ombre”», опубликованных в моем интернет-журнале «Царский Друг» (<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/>) с 7 октября 2017 г. по 7 сентября 2018 г., написанных в жанре, продолжающем традицию серии моих книг «Григорий Распутин: расследование».

Повествование идет неспешно, что соответствует как временному, так и географическому пространству, на котором происходили интересующие нас события: Урал, Сибирь, Дальний Восток, Харбин, Пекин, Шанхай, Париж, Берлин, Детройт, Сальбри...

И на протяжении всей этой эпопеи «расследования в пути» забота о сохранности дела и вещественных доказательств, яростная охота за ними (с тех пор и доньяне!), слежка за самим следователем, завершившаяся трагедией в Сальбри, случившейся не без помощи соблазнен-

---

² Печатается с учетом особенностей авторской орфографии и позиции издательства. Так, сохранены благословенного Царского времени правописание приставки *без* — перед глухими согласными, корни *мир*, *мир* и *мвро* в соответствующих словах.

ного при каких-то, пока что не до конца ясных, обстоятельствах «Le prince de l'ombre»/«князя тени» – Николая Владимировича Орлова.

Именно поэтому книга и начинается с описания ряда жизненных обстоятельств этого персонажа; причем событий, предшествовавших его появлению в эмиграции во Франции. И лишь после этого о знакомстве его с Н.А. Соколовым – завязке «покровительства-противостояния», завершившегося смертью следователя.

Несколько слов следует сказать и об особенностях создания самого нашего текста. Дело в том, что появлялся он не вполне обычным для меня самым путем. Создавался он не как книга, а рождался прямо на страницах моего интернет-журнала.

...Это была не публикация ранее написанного. Всё время исследование с публикацией шли голова в голову. Некоторые сделанные автором находки от читательского взгляда отделяли каких-нибудь день-два. Такое новое качество (почти что эффект присутствия) предоставляет интернет-публикация.

Мне, человеку старого еще поколения, писавшего в первом классе перьевой ручкой, стальное жало которой время от времени следовало обмакивать в чернильницу-непроливашку, сидевшую в гнезде черной школьной парты, – не так-то просто вместить и осмыслить в полноте эту молниеносность передачи авторской мысли...

У всего этого есть, разумеется, и свои издержки. Приступая к этой работе, я предполагал затронуть в ней лишь одну фигуру – князя Николая Владимировича Орлова; написать о его месте в парижском окружении Н.А. Соколова, о его роли в издании книги следователя, в переезде Николая Алексеевича в Сальбри и в его загадочной смерти. Отсюда, собственно, и первоначальное название самой серии интернет-постов «К пониманию “Le prince de l'ombre”».

Но работа с материалом диктовала своё. Когда тема берет тебя за шиворот и тащит – это, поверьте, непередаваемое чувство! Так у меня было когда-то со всеми книгами моего «расследования» о Григории Ефимовиче Распутине. Но там, прежде чем очередной том уходил на вёрстку и в типографию, всегда было время уточнить структуру, изменить очередность глав и даже название. Здесь такой возможности не было...

Этот сопровождающий интернет-публикацию *вихрь нового*, когда поиски или заинтересованный читательский отклик приводят к неожиданным открытиям, ставят тебя перед необходимостью (чтобы уж совсем не ломать структуру) делать самые необходимые дополнения к прежним постам.

* * *

При подготовке текста для книги ссылки на интернет-публикации, для удобства читателей, мы посчитали нужным свести до необходимого минимума. Любопытствующие могут их найти в публикации в моем ЖЖ.

В основной текст включена отдельная серия из пяти постов (с 27 марта по 2 апреля 2018 г.) «Еще о книге П.М. Быкова»; в приложение вынесены еще четыре публикации: один из первых опубликованных отчетов о следствии, напечатанный в 1920 г. в Константинополе; письма следователя 1922 г.; серия «Вокруг Н.А. Соколова» (7 постов с 1 по 10 сентября 2017 г.) и перевод автобиографии князя Н.В. Орлова, на которые есть множество ссылок в самой книге.

Для интересующихся темой расследования царевубийства укажу еще на две последующие мои публикации в моем интернет-журнале, касающиеся этого вопроса: «Свидетель “Русской Агонии” Роберт Вильтон» (44 поста с 8 февраля по 24 августа 2019 г.) и «Верховный Правитель и Царственные Мученики» (32 поста с 9 апреля по 11 июня 2020 г.).

Автор

Явление «Le prince de l'ombre»

Князь Николай Владимирович Орлов

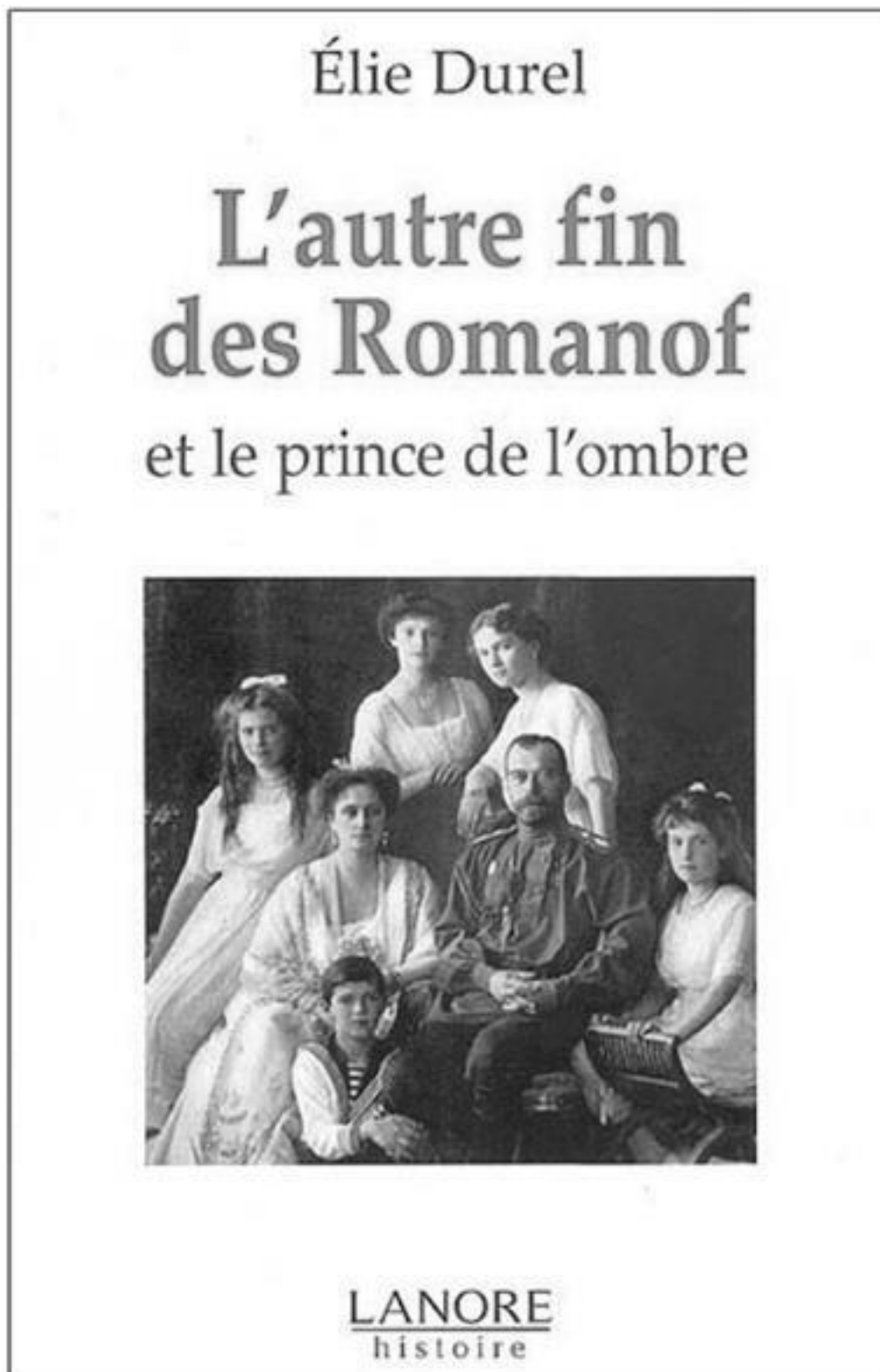
Бой с тенью

Нашу книгу о следователе Николае Алексеевиче и его расследовании мы начинаем несколько необычно: с рассказа о фигуре малоизвестной, однако все же встречающейся на страницах биографии нашего героя, – князе Николае Владимировиче Орлове (1896–1961). Наша задача – разобраться в том, кем на самом деле он был и какую роль в действительности он сыграл в судьбе следователя Н.А. Соколова и его дела.

Разумеется, само имя князя не могло быть вовсе обойдено теми, кто так или иначе интересовался царевубийством, в силу того простого обстоятельства, что его имя стояло под предисловием к книге Н.А. Соколова в посмертном русском издании.

На первый взгляд, об этом человеке написано немного. Некоторые, заслуживающие внимания, упоминания о нем появлялись в 2009–2013 гг. в печатных изданиях и в интернете (в отдельных статьях и при обсуждении на форумах).

Всё это – с одной стороны. А с другой, например, – в 2008 г. в Париже вышла даже целая книга, в которой имя героя нашего повествования вынесено на обложку, как «Le prince de l'ombre»/«князь тени».

Обложка книги Elie Durel. «L'autre fin des Romanof et le prince de l'ombre». Editions Lanore. Paris. 2008

При всей фантазмагоричности основного содержания этой книги «Другой конец Романовых и князь тени»), написанной историком-любителем Эли Дюрелем, всё же она содержит (в

части касающейся, прежде всего, личности князя Н.В. Орлова; «князя тени», по определению автора) немало ценной информации¹.

Автор, Кристиан Дюро, пишущий под псевдонимом Эли Дюрель, родившийся в 1946 г. в Сомюре (Мэн на Луаре), сам в течение десяти лет жил в Сальбри и общался с людьми, близко знавшими как самого князя, так и следователя.

Владимір Григорьевич Орлов

Один из них Pierre Bouliere, знал и Н.А. Соколова и князя Н.В. Орлова, а также их ближайших знакомых. Тот, по словам Дюреля, был «уверен, что они знали правду о конце Романовых (Соколов, скорее всего, был даже убит по этой причине)».

Собрав, по его словам, «неожиданную информацию», исследователь решил «убедиться в ее правдоподобности». С этой целью он и провел свое собственное расследование.

При этом автор, в известной мере, упрощает сложность фигуры «князя тени», а в какой-то степени и подлинную меру ее зловещести, сводя всё к совершенно мифической принадлежности князя Н.В. Орлова к «тайной царской полиции» и к не менее фантастической его якобы роли в формировании советских спецслужб. По словам Дюреля, он был «одним из пяти организаторов политической полиции большевиков».

В последнем случае путаница, вероятно, произошла оттого, что французский автор перепутал князя Николая Владимировича Орлова с Владимиром Григорьевичем Орловым (1882–1941) – не князем, но дворянином, профессиональным русским контрразведчиком, по приказу генерала М.В. Алексева внедрившимся после октябрьского переворота 1917 г. в Петро-чека и даже общавшимся там с Дзержинским, а после поражения Белого движения продолжавшим борьбу с большевиками за границей, автора вышедших на Западе на европейских языках нескольких книг.

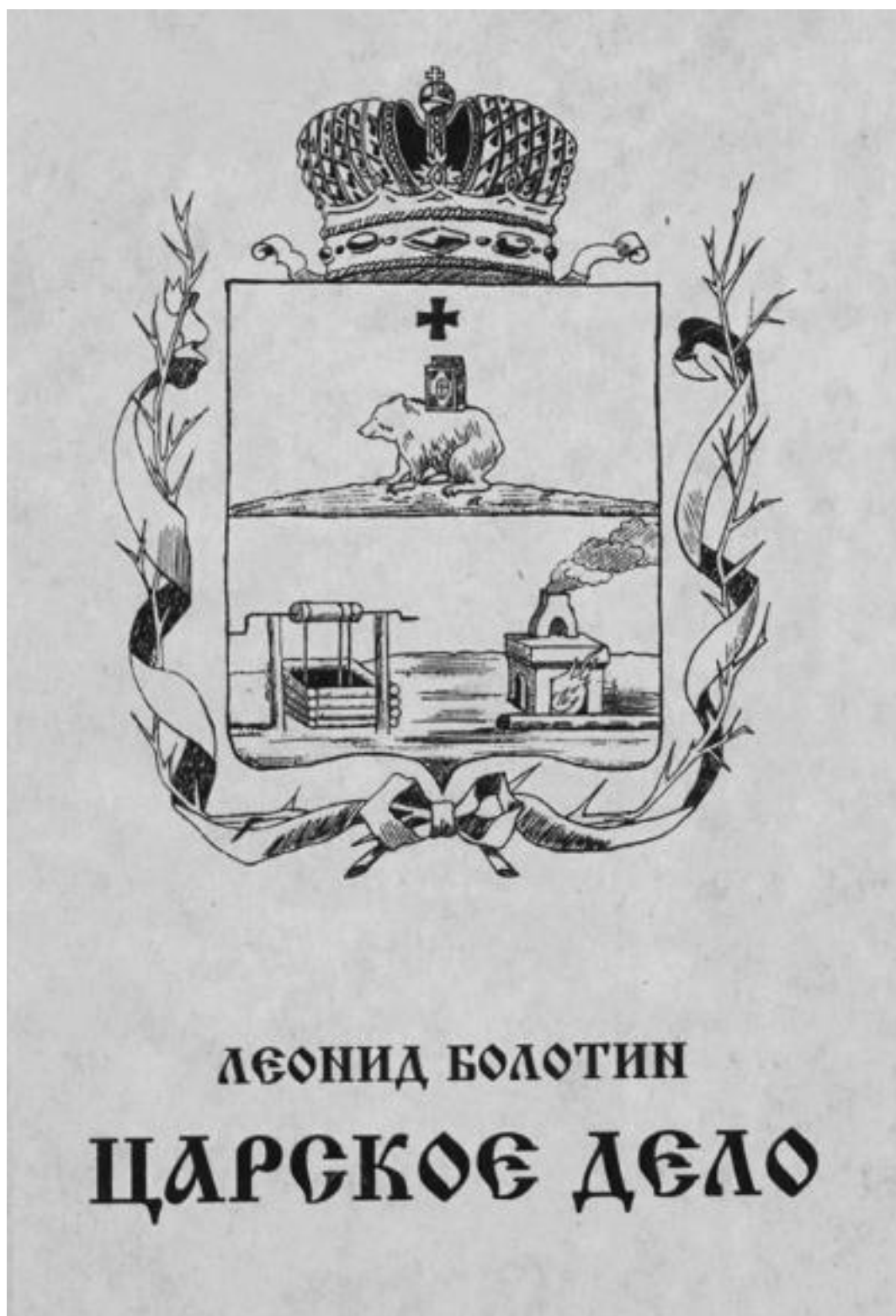
Впрочем, ничего удивительного в этом нет, если даже архивистка Л.А. Лыкова, публикатор Соколовского дела, тоже спутала этих Орловых.

Таким образом, и после выхода этой книги ясности не прибавилось.

И всё это на фоне разногласия даже среди отечественных исследователей-единомышленников, принадлежащих к православно-монархическому направлению. Разномыслие это во многом было предопределено как малоисследованностью самой темы, так авторитетом личности самого Н.А. Соколова.

Да и современники, близкие Николаю Алексеевичу, отзывались о князе вполне благоприятно. Тот же А. Ирин в своем очерке «На могиле Н.А. Соколова» (см. приложение к нашей книге), напомним, писал: «Да, Соколов был один, покинутый почти всеми, если не считать нескольких личных его друзей, среди которых нужно отметить, по роли сыгранной ими, князя Н.В. Орлова...»

В том же смысле высказывался и зарубежный исследователь Царского дела Николай Росс: «Чуть ли не единственную поддержку он нашел у проживавшего в Париже кн. Николая Орлова» («Гибель Царской Семьи». 1987).

Издательская обложка книги Л.Е. Болотина «Царское Дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи» (М. 1996. 360 с.) Тираж 500 экземпляров

О.А. Платонов оживил этот, следует признать, весьма сдержанный, отклик. «Никто его почти не поддерживал, – пишет он, имея в виду следователя Н.А. Соколова, – радостное исключение составлял князь Н. Орлов» («История царевубийства». 2001).

В ранних своих работах и Л.Е. Болотин (см. книгу «Царское дело». М. 1990) отзывался о князе Н.В. Орлове вполне благожелательно: «приятель, единомышленник или сподвижник»

Н.А. Соколова. При этом он оговаривался: «Нам мало известно, что из себя представлял князь Н. Орлов, однако, если ему доверял Н.А. Соколов, мы не можем подозревать, что он после смерти следователя присвоил национальное достояние России, не вяжется это с обликом человека, который имел мужество не анонимно, а взяв всю полноту ответственности на себя, после гибели Н.А. Соколова издать его книгу со своим предисловием».

Обложка книги Татьяны Мироновой «Из-под лжи». Книга посвящена личностям Царя Николая II и Григория Распутина

Впоследствии в статье «Правда Твоя – правда веки!» (2005 г.) Леонид Евгеньевич резко изменил свое мнение об этом персонаже. Произошло это во многом под влиянием статьи Т.Л. Мироновой («Русский Вестник». 25.12.2003), в которой едва ли не впервые появляется крайне отрицательный взгляд на роль князя.

Интерес Татьяны Леонидовны к этой фигуре был вызван, главным образом, необходимостью объяснить некоторые «странности» книги Н.А. Соколова, не вписывающиеся в представления о личности следователя, как твердого монархиста.

Обоснование своему взгляду на Н.В. Орлова Миронова находит исключительно в позиции его отца, приведшей, в конце концов, к возникновению родственных отношений его сына с Николаевичами, находившимися в прямой оппозиции к Государю:

«...Отец “благодетеля” Соколова и издателя его записок – злейший враг Государыни Александры Феодоровны, приветствовавший отречение Государя, а родня его жены и того хуже, это ее отец (Великий Князь Петр Николаевич) и ее дядя (Великий Князь Николай Николаевич)».

В принципе подход этот верен, однако объяснить только этим роль Н.В. Орлова при следователе, а также все действия князя по отношению к следственным материалам в дальнейшем будет страшным упрощением реальной проблемы, такому же, как и предложенное Т.Л. Мироновой объяснение дружбы Соколова с князем:

«...Как следователь мог потом принять помощь от ближайшего родственника Николая Николаевича и доверить ему свои записки. Видимо, либо князь Н. Орлов при встречах с Соколовым скрывал свою принадлежность к этому клану, либо контактов между Орловым и Соколовым до таинственной кончины последнего просто не было, и материалы следственного дела были изъяты князем после смерти следователя».

Всё это, конечно, свидетельствует, как мы уже писали, о том, что Татьяна Леонидовна не обладала никакими конкретными, кроме самых общих, сведениями об этом человеке.

Вот почему столь важно собрать и, по возможности, систематизировать все малейшие осколки сведений об этом человеке, чтобы уже на их основе составить некое подобие цельной мозаики, чтобы вывести эту фигуру, хотя бы частично, из полной тени.

Князь Владимир Николаевич Орлов в костюме сокольничего времен Царя Алексея Михайловича. Костюмированный бал 1903 г.

И начнем мы традиционно – с родителей князя, с которыми на протяжении моего многолетнего «расследования», связанного с историей Царского Друга (Г.Е. Распутина), мне не раз приходилось сталкиваться.

Отец его князь Владимир Николаевич Орлов (1868–1927) был сыном генерал-адъютанта, генерала от кавалерии князя Николая Алексеевича Орлова (1827–1885), с детства близкого к Царскому Дому: он был соучеником Великого Князя Константина Николаевича, при котором затем состоял; в 1850–1852 гг. сопровождал Императора Николая I в Его поездках по России и за границей.

Тяжкие раны, полученные Николаем Алексеевичем в сражении при штурме турецкого форта Араб-Табия в мае 1854 г., круто изменили его карьеру. Император назначил его чрезвычайным посланником и полномочным министром при Бельгийском дворе (1859). Затем он был чрезвычайным посланником в Австрии (1869), в Великобритании (1870) и во Франции (1871). Последнее назначение полномочным послом в Берлине он получил в 1884 г.

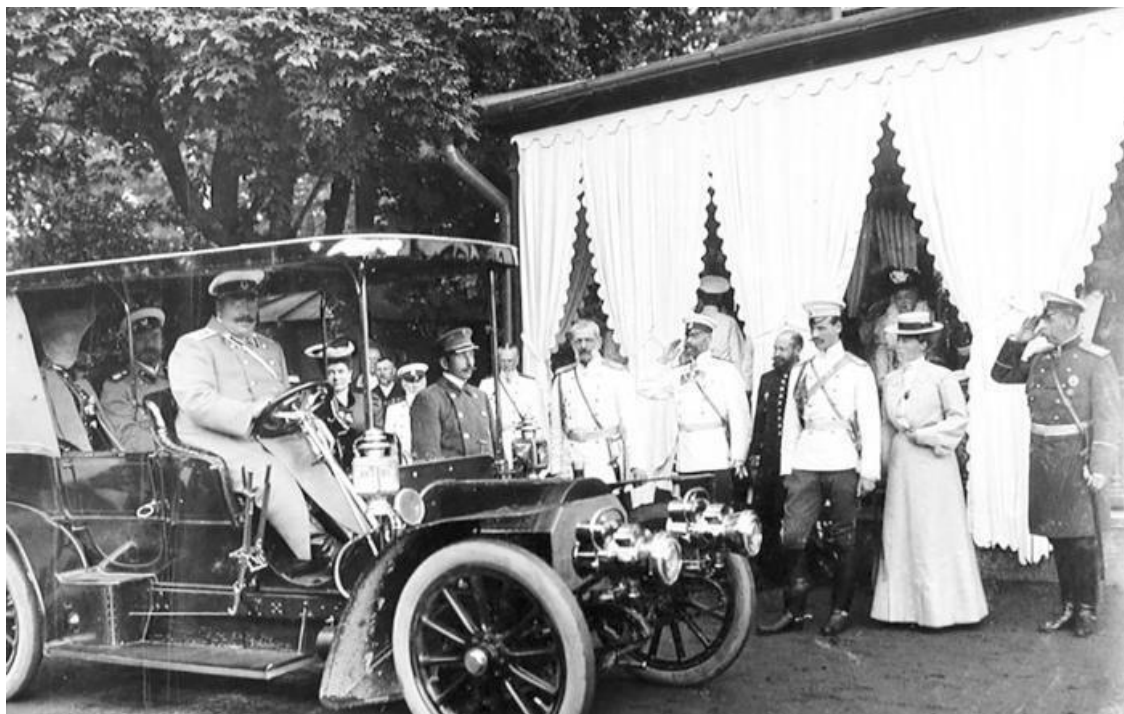
Продолжателем рода стал младший его сын Владимир (старший Алексей, не дожив и до пятидесяти, умер бездетным). Как и отец, он окончил Пажеский корпус (1889), и также был выпущен корнетом в Лейб-Гвардии Конный полк, которым когда-то, еще во времена Императора Николая I, командовал его дед (первый носитель княжеского титула).

Постепенно продвигаясь по службе (1893 г. – поручик; 1899 г. – штабс-ротмистр), 17 января 1901 г. князь В.Н. Орлов получил назначение помощником начальника Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии, получив в апреле звание ротмистра. В 1903 г. последовало пожалование его во флигель-адъютанты ЕИВ, а в марте 1904 г. присвоение звания полковника.

Наконец, 26 августа 1906 г. князь был назначен начальником Канцелярии.

«В круг деятельности этого учреждения, – вспоминал Дворцовый комендант В.Н. Воейков, – входили вопросы, касавшиеся лиц Свиты Государя и Собственного Его Величества Конвоя.

Князь В.Н. Орлов, владелец крупного состояния, принадлежал к высшей аристократии и пользовался в начале своей службы при Дворе поддержкою Министра Двора (бывшего одновременно командующим Императорскою Главною Квартирою) и очень милостивым к нему отношением Государя, назначившего его в 1903 г. Своим флигель-адъютантом.

Императорская Чета на автомобиле под управлением князя В.Н. Орлова

Благодаря тому, что расшифровывание телеграмм с театра военных действий в период Японской войны было поручено Военно-походной канцелярии, князь Орлов ежедневно являлся Его Величеству, что создало ему репутацию человека, пользовавшегося полным доверием Царя и как бы Его личного секретаря. Князь Орлов часто устраивал в своём богатом особняке на Мойке приёмы для дипломатов и лиц высшего общества. Со слов князя Орлова, у них составилось убеждение, что Государь не принимает ни одного решения, не посоветовавшись с ним.

Князь Орлов был одним из первых владельцев автомобилей в России, и в пятом году предложил Их Величествам совершить несколько поездок на моторе, которым управлял сам; а когда у Государя явилось желание иметь свои автомобили, организация этого дела была поручена князю Орлову. Как всё при Дворе, введение моторов дало основание для создания целого нового ведомства, с большими штатами. Считая себя ответственным за езду Государя на автомобилях, князь Орлов стал лично управлять мотором при всех поездках Его Величества».

Тут самое время рассказать и о супруге Владимира Николаевича – княгине Ольге Константиновне Орловой (1872–1923). Родилась она в Петербурге 12 ноября 1874 г. В жилах ее текла кровь Рюриковичей. Княгиня Орлова была дочерью генерал-адъютанта князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского (1843–1920) и Надежды Дмитриевны (1847–1920), урожденной Скобелевой, сестры знаменитого «Белого генерала».

В свое время многих потрясло скандальное известие: «Состоящий в Свите Государя более 25 лет ген. – лейт. князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский перешел, по словам “Биржевых Ведомостей”, из православия в католичество»³.

³ «Переход в католичество» // «Раннее Утро». М. 1908. 8 августа.

Княгиня Ольга Константиновна Орлова на Костюмированном балу 1903 г.

29 апреля 1894 г., в 19 лет Ольга Константиновна обвенчалась с конногвардейским поручиком, князем В.Н. Орловым.

По отзывам современников, княгиня была гордой, несколько ограниченной женщиной; она не отличалась ни высокими духовными качествами, ни интеллектом, ни даже красотой. Однако она «была, как говорится, “дамой приятной во всех отношениях”». Изящество и изысканный вкус, а также немалое состояние сделали ее заметной фигурой в Петербургском

свете»². То была, писал о ней знавший ее князь С.А. Щербатов, «первая модница Петербурга, тратившая на роскошные туалеты огромные средства и ими славившаяся».

Петербургский салон Орловых в их доме на набережной Мойки, 90, отличался утонченным аристократизмом. Хорошо осведомленный современник (генерал А.А. Мосолов) отмечал, что «Ольга Орлова [...] любила приемы у себя на Мойке. Особняк этот по внутренней обстановке походил на музей. У нее собирались дипломаты и дамы, щеголявшие в платьях от лучших портных Парижа».

В этом-то салоне и изобразил ее В.А. Серов на знаменитом портрете, благодаря которому имя княгини, собственно, и осталось в истории.

«Роскошная светская дама, нарядная красавица, законодательница мод написана в окружении своей пышной обстановки... Так она и трактована, эта женщина-орхидея, закутанная в меха и шелка, присевшая на кончик стула в ожидании, когда ей подадут лимузин, чтобы ехать на придворный бал», – так говорится об этом портрете в беллетризированной биографии художника.

Леон Бакст. Портрет княгини Ольги Константиновны Орловой. 1909 г. Русский музей. Санкт-Петербург

В.А. Серов писал этот портрет по заказу самой княгини. Некоторые подробности в связи с этим содержатся в мемуарах князя Ф.Ф. Юсупова (убийцы Царского Друга), общавшегося с художником, писавшим и его портрет: «...Серов не торговал талантом и заказ принимал, только если ему нравилась модель. Он, например, не захотел писать портрет великосветской

петербургской красавицы, потому что лицо ее счел неинтересным. Красавица все ж уговорила художника. Но, когда Серов приступил к работе, нахлобучил ей на голову широкополую шляпу до подбородка. Красавица возмутилась было, но Серов отвечал с дерзостью, что весь смысл картины – в шляпе».

Художник работал над картиной на протяжении 1910–1911 гг. одновременно с портретом своей соплеменницы Иды Рубинштейн. То были итоговые работы В.А. Серова.

Современники свидетельствовали, что Валентин Александрович остался доволен своим творением, что случалось с ним не столь уж часто. А вот отношение современников к портрету княгини было весьма противоречивым. «Одни восхищались высоким стилем картины, талантом и мастерством Серова. Другие отмечали безкомпромиссность взгляда художника на заказчицу и подозревали его в сарказме».

Валентин Серов. Портрет княгини Ольги Орловой. 1911 г. Русский музей. Санкт-Петербург

Известный художник и искусствовед И.Э. Грабарь считал, что картина эта является по существу «злой сатирой на вырождающуюся аристократию». Ныне это, по существу весьма верное, замечание подвергнуто – причем, совершенно бездоказательно – уничижительной кри-

тике, а сам академик обвинен при этом в лакействе: «по угодливому выражению И. Грабаря». Сделано это в комментариях к изданию нового извода воспоминаний Т.Е. Мельник, дочери Лейб-медика Е.С. Боткина, вышедших в 2011 г..

Мы не имеем ничего против публикации подобного рода исторических источников, содержащих клеветнические выпады против Государыни, А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутина, но в книге, содержащей комментарии и предисловие (т. е. при наличии всех инструментов, потребных для восстановления правды), ни словом не упомянуть о давно и основательно, с документами в руках, опровергнутой лжи и подтасовках, увидевшей свет к тому же в уважаемом петербургском издательстве «Царское Дело», это, по меньшей мере, странно.

Такой позицией издательства была удивлена и составитель книги О.Т. Ковалевская, выразившая в разделе благодарности особую признательность директору «Царского Дела» за то, что тот, «несмотря на то, что не разделяет мнение автора по некоторым вопросам, в частности, касающимся личностей Г.Е. Распутина и А.А. Вырубовой, проявил широту, независимость взглядов». (Теперь то же самое издательство выпускает апологетические книги о Царском Друге.)... Что до «широты», то это как раз тот случай, о котором в свое время писал великий петербуржец Ф.М. Достоевский, полагая, что русский человек слишком уж иногда широк, не мешало бы его и обуздать.

Но имеет ли, однако, такое мнение о портрете княгини О.К. Орловой право на существование? Оставляя за скобками само имя и профессиональный авторитет И.Э. Грабаря, по поводу самой сути сказанного им мы должны со всей ответственностью заявить: прав академик, а не его нынешние критики-любители, не разбирающиеся в том, о чем они взяли на себя смелость судить.

Современные искусствоведы пишут, что портрет был исполнен В.А. Серовым «с утонченной живописной техникой и наполнен психологическим анализом. Под кистью мастера О.К. Орлова одновременно и живой человек, и гротеск – она навязчиво демонстративна в роскошном интерьере своего особняка. Поза ее претенциозна: обнаженные плечи, на которых соболий палантин, руки, сжимающие жемчуга, выставленная лакированная туфля придают всему образу вычурное изящество. На вопрос, почему он изобразил княгиню в столь непропорционально большой шляпе, В.А. Серов отвечал: “Иначе не была бы княгиня Орлова”. [...] ...Художника упрекали, что нога графини плохо нарисована, но на самом деле у этой женщины тела будто бы вовсе нет, и не потому, что В.А. Серов его игнорирует, но его исключение – еще одна живописная характеристика модели. Взгляд портретиста на заказчицу безкомпромиссен, ей вынесен уничижительный вердикт»³.

«Портреты Серова, – писал поэт Валерий Брюсов, – всегда суд над современниками [...] Собрание этих портретов сохранит будущим поколениям всю безотрадную правду о людях нашего времени».

Понятно, что этот портрет-разоблачение заказчице не понравился. После смерти художника в 1911 г. она подарила его Музею Императора Александра III (ныне Государственный Русский музей) «с довольно “капризным” условием, что он никогда не будет выставляться в экспозиции музея рядом с портретом Иды Рубинштейн, кисти того же Валентина Серова... А она [княгиня Орлова] и была такой на самом деле – капризной и непредсказуемой. Хотя в основном о ней можно прочесть в довольно немногочисленных исторических источниках то, что Бог не наделил ее ни умом, ни особой яркой красотой. Но зато она была аристократкой, причем той самой породистой, которую не стыдно было принимать на придворных балах...»⁴

И еще одно забавное обстоятельство: все три заказанные княгиней Ольгой Константиновной Орловой портреты писали евреи: Леон Бакст (1909), Валентин Серов (1911) и Савелий Сорин (1917).

Причем на последнем портрете, по мнению искусствоведа А.В. Шилов, она «не менее надменна и своенравна, чем это показал Серов».

Родовая травма

Князь Владимир Николаевич Орлов продолжал уверенно двигаться по карьерной лестнице: в 1909 г. он получил звание генерал-майора с зачислением в Свиту Его Величества, в 1915 г. он уже генерал-лейтенант.

Однако ему всё было мало, хотелось еще большего.

«Одним из домов, откуда исходили ложные слухи об Императрице, – свидетельствовал Дворцовый комендант В.Н. Воейков, – был дом князя В.Н. Орлова, занимавшего должность начальника Военно-походной канцелярии [...]...До Государя стали доходить слухи о высмеивании князем Орловым отношений Государыни к А.А. Вырубовой».

Князя В.Н. Орлов

По словам Анны Александровны, «особенно нерасположен к Государыне был князь Орлов. Их Величества не любили его за его честолюбие, цинизм и злой язык [...] Ненавидел и меня князь Орлов и не было той гнусности, которой бы он на меня не сказал! Сплетни и выдумки на меня менялись как платье, по сезону, и я, просыпаясь утром, не знала, что мне принесет день, в смысле душевных переживаний и оскорблений».

В этом, по словам А.А. Вырубовой, князь был, увы, не одинок: «...Хронически обиженная “ближайшая” Свита распускала небывалые слухи об влиянии Распутина, обо мне [...] и вторили этим слухам, подливая масло в огонь, “обиженные” на Её Величество Великие Княгини Стана и Милица Николаевны за то, что, поняв их игру, Её Величество, после дружбы, их отстранила. Великие Княгини Черногорки стали заклятые враги Государыни. Помню, как посол в Черногории А. Гирс говорил моему отцу в Петергофе, что он должен бы обратить внимание Государыни или Государя на Великих Княгинь, которые хуже заговорщиков против Государыни: “одна умна и зла, другая глупа и зла”, говорил он. Императрица знала, что они Её ненавидят, но Ей было всё равно».

Всеми, однако, приходит конец.

«Когда я вошёл в жизнь Двора, – припоминал уже будучи в эмиграции В.Н. Воейков, – счастливая звезда князя Орлова, очевидно, уже закатилась, и из друга Царя, каким он себя выставлял перед высшим обществом, дорожившим блестящими приёмами четы Орловых, он обратился в опального придворного, которого только терпели; также относились и к его главному товарищу по измышлению нелепых, дискредитировавших Государыню, сплетен – бывшему командиру конвоя князю Ю.И. Трубецкому. Их сообщницу – фрейлину С.И. Тютчеву, состоявшую при Великих Княжнах, я уже не застал, так как она была раньше уволена Императрицею».

То же подтверждал также небезупречный верноподданный да к тому же еще и масон начальник Канцелярии Императорского Двора генерал А.А. Мосолов.

Князь В.Н. Орлов, по его словам, «имел неосторожность пустить в обращение несколько весьма едких словечек по адресу старца» (Г.Е. Распутина). Императрица, писал он далее, «стала высказывать Свое неудовольствие Фредериксу, говоря, что Орлов вмешивается в то, что до него не касается, и что Она этого допустить не может. Министр передал Орлову, что ему следует быть осторожнее в своих разговорах». Но, увы, для людей, подобных князю Орлову, Царское слово уже мало что значило.

«Можно было надеяться, – писал далее генерал Мосолов, – что при большей сдержанности князя недоразумение удастся уладить». Однако клеветник уже закусил удила и неся, не разбирая дороги.

По словам В.Н. Воейкова, «расположение Его Величества к князю изменилось, и министру Двора было поручено передать ему, что Государь не желает больше иметь его шофёром, предпочитая ездить с Кегрессом – главным механиком придворного гаража. Это был первый видимый знак охлаждения Государя к князю Орлову.

Второй эпизод произошёл в Ревеле, после свидания Его Величества с Императором Вильгельмом в Балтийском порту.

На это свидание, по настоянию министра Двора, князь Орлов был включён в список лиц, сопровождавших Их Величества на яхте “Штандарт”.

Из Ревеля “Штандарт” шёл с Царской Семьёй в шхеры, и на эту поездку князь Орлов в списке сопровождавших особ не состоял.

Почти перед самым отходом яхты Государыня, узнав, что князь Орлов ещё не съехал на берег, поручила министру Двора напомнить ему, чтобы он покинул “Штандарт”.

В мемуарах А.А. Мосолова читаем: «Был назначен отъезд на “Штандарт”. Когда Орлов туда явился, Царица позвала Фредерикса и заявила ему, чтобы граф приказал князю съехать с яхты, ибо Ее Величество не желает его видеть».

Император Николай II и князь В.Н. Орлов (слева от Него, спиной к зрителю) у Царского автомобиля с гамматическом крестом на капоте

Более подробно этот эпизод описала А.А. Вырубова: «Вспоминаю случай, после которого князь Орлов обиделся окончательно, – это было после одной из официальных встреч в Ревеле или Балтийском порту. Их Величества уходили в шхеры и было приказано графу Фредериксу передать князю Орлову, чтобы он уехал с остальными официально прибывшими лицами обратно в Петроград. «We wanted it to be way in Finland without any gossips» [Нам бы хотелось на пути в Финляндию избавиться от всяких сплетен (*англ.*)]; Их Величества знали, что gossips (сплетни) шли, главным образом, от князя Орлова».

Император Николай II и князь В.Н. Орлов (слева от Него, спиной к зрителю) у Царского автомобиля с гамматическом крестом на капоте

«Приведённый в ярость переменой отношения к нему Государя, и приписывая всё это Императрице, князь Орлов, – пишет В.Н. Воейков, – стал изощряться в насмешках и издевательствах над Государынею, совершенно ни перед кем не стесняясь, чем наносил большой вред престижу Трона.

Несмотря на всё ухудшавшиеся к нему отношения со стороны Государя, князь Орлов, тем не менее, продолжал оставаться на занимаемом им посту.

Под конец пребывания Царя в Ливадии, в Ялту приехал на несколько дней Распутин, о чём мои подчинённые мне немедленно донесли, и затем ставили меня в известность о том, где он бывал и с кем виделся.

Приезд его дал лицам Свиты обильную тему для всевозможных острот. Князь Орлов, в ожидании выхода Их Величеств к завтраку, при посторонних Двору лицах, со смехом сказал: «Теперь я спокоен. Распутин приехал – значит, всё пойдёт хорошо»».

Парадокс, однако, был в том, что князь В.Н. Орлов был участником первой встречи Императора Николая II с будущим Его Другом – Григорием Ефимовичем Распутиным, состоявшейся в Петергофе в 1906 г. – в пятницу 13 октября, в день Иверской иконы Божией Матери.

Заведовавший в то время Царской охраной генерал А.И. Спиридович этот день и на склоне лет помнил ясно: «13 октября 1906 года Государь пригласил к Себе одного из придворных чинов [князя В.Н. Орлова. – С.Ф.], и подавая ему большой лист бумаги, сказал:

– Вот прочтите, князь, тут и вас касается.

Приглашённый стал читать. То было письмо, которым автор обращался к Государю, прося принять приехавшего из Сибири старца Григория Ефимовича, который привёз Государю икону святого Симеона Верхотурского. В письме говорилось, что старца того можно найти у автора письма, настоятеля одной из петербургских церквей и что, если Государь смилостивится его принять, то пусть он прикажет это дело служащему при нём князю такому-то, и он уже разыщет старца и представит его Государю.

Письмо было подписано: священник Ярослав Медведь.

Государь сказал, чтобы князь навёл все нужные справки, сделал все распоряжения и завтра встретил бы старца на вокзале и привёз бы его во Дворец. Можно было заметить, что Государь знал уже всё относительно письма и что всё было сделано не без Его согласия.

На другой день, в назначенный час, князь выехал на вокзал в придворном экипаже, без труда узнал приехавшего с узелком старца и привёз его сначала к начальнику Дворцовой полиции.

Убедившись после короткого разговора, что приехавший есть то самое лицо, которое ожидается Государем, князь повёз старца во Дворец.

По приезде во Дворец, старец был принят Государем и Царицей. Он благословил Их образками. Государю он дал писаную на дереве икону Симеона Верхотурского, вершков 6–7 вышиной. Благословил он и всех Детей, поднёс им по образку и по просфоре, Наследника приласкал.

После приёма Государь приказал угостить Григория чаем. Когда же гость ушёл, Государь спросил князя, какое впечатление произвёл на него старец и что он об нём думает.

Князь ответил, что мужичёк кажется ему неискренним, и что, по его мнению, это человек с воспалённым мозгом.

Такой ответ, видимо, не понравился Государю. Поглаживая усы и бороду, Государь смотрел в сторону, затем высказал, что во всяком случае Он очень доволен, что старец привёз Ему икону Симеона Верхотурского. Что при путешествии по Сибири [еще будучи Наследником. – С.Ф.] это был единственный святой, мощам которого Государю не пришлось поклониться, т. к. путь лежал мимо Верхотурья. И что это всегда было грустно Государю.

Государь с начальником Своей военно-походной канцелярии князем В.Н. Орловым

Поблагодарив затем князя за хлопоты, Государь отпустил его и никогда более с ним о Григории не говорил».

И впоследствии Государь не раз пытался увещевать князя В.Н. Орлова. По свидетельству флигель-адъютанта полковника А.А. Мордвинова Император не раз говорил князю: «Если Вы Меня любите, то прошу больше никогда со Мной об этом не говорить, Мне это слишком больно и тяжело».

В разговоре с флигель-адъютантом А.А. Дрентельном Государь искренне недоумевал: «Я не могу Себе объяснить, почему князь Орлов выказывал себя таким нетерпимым по отноше-

нию к Распутину; он не переставал говорить Мне о нем плохое и повторял, что его дружба для Меня гибельна. Совсем напротив...»

«Не помню я ни одного случая, – писал тот же полковник А.А. Мордвинов, – чтобы люди из ближайшего окружения Государя за такие, идущие от души и сердца, мнения впадали в немилость. Мне будут сейчас указывать на опалу, постигшую и князя Орлова, и флигель-адъютанта Дрентельна, и фрейлину Тютчеву. Но удаление этих верных, любивших Государя людей было вызвано такими сложными и тонкими интригами со стороны, о которых сейчас трудно кратко, да и не хочется говорить, а вовсе не их откровенными предостережениями.

И адмирал Нилов, и граф Фредерикс, отец Шавельский, даже Воейков, и многие другие в своих интимных разговорах с Государем приводили с не меньшей определенностью, а подчас и с большей, те же доводы, какие высказывали и князь Орлов, и А.А. Дрентельн, и фрейлина Тютчева, и от этого несколько не пострадали. Да и князь Орлов после своей откровенной беседы с Государем о Распутине продолжал и после того, в течение 4 или 5 лет, пользоваться искренним расположением Его Величества.

Я вновь повторяю, что Государю можно было безбоязненно говорить всё, но при условии, чтобы это шло от души и в особенности, чтобы об этих их настояниях данные лица не разглашали по сторонам с печалованием, что их не слушаются, и, главное, чтобы в этих разговорах с посторонними не упоминалось имя Императрицы. Многие в этом последнем случае бывали неосторожны, хотя должны были бы знать, насколько сильно любил Императрицу Государь, а также и то, что все их слова, сказанные на стороне даже друзьям, доходили старанием болтливой обществу до Государя и Императрицы с изумительной быстротой и часто искажёнными».

Тем не менее, имя князя В.Н. Орлова оказалось прочно вписанным в список жертв отрицательного отношения к Г.Е. Распутину.

Мало кто желал прислушиваться к мнению тех, кто, несомненно, по занимаемому ими положению, был хорошо осведомлен о положении дел, не будучи при этом ангажированным какой-либо группировкой при Дворе.

Одним из них был товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов генерал П.Г. Курлов, писавший о Государе, что только «негодование на непрошенное вмешательство и повторение всё тех же нападков» у Него «влекло за собой удаление настоячивых советников, причём это удаление никогда не выражалось в резкой форме, а являлось лишь устранением таких лиц с тех мест, на которых они, в силу неправильно понятых своих обязанностей, считали такое вмешательство возможным. Доброта Государя проявлялась и в таких случаях. Князь Орлов был назначен на высший пост помощника Наместника Его Величества на Кавказе по гражданской части, а генерал Джунковский был оставлен в Свите. Я не могу заподозрить, что эти случаи были результатом мести Распутину: он был несомненно добрым человеком и неоднократно высказывал чувство христианского прощения своим врагам».

«Настойчивости» же в «непрошенном вмешательстве» князю В.Н. Орлову было не занимать.

Благодаря своему происхождению, занимаемому положению, связям и выказываемой им активности князь становился весьма опасным человеком.

Судя по дошедшим до нас многочисленным дневниковым записям вдовствующей Императрицы, князь пользовался и Ее особым доверием и уважением; благосклонно относилась Мария Феодоровна и к его супруге.

Через свое близкое знакомство со скандально известной воспитательницей Царских Детей С.И. Тютчевой и генералом-масоном В.Ф. Джунковским князь В.Н. Орлов был связан с московским кружком Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

Митя Козельский. Снимок предоставлен С.Ю. Паламоновым (Петербург)

Из мемуаров митрополита Вениамина (Федченкова) известно, что он (в то время еще иеромонах), по поручению епископа Феофана (Быстрова), «дал сведения для Двора через князя О[рлова], ездил к другим, но нас мало слушали, он [Распутин] был сильнее».

Не брезговал он связями (пусть и опосредованными) с иеромонахом Илиодором (Труфановым) и епископом Гермогеном, подготавливавшими покушение на Царского Друга.

«На квартире у Гермогена, – описывал события, относившиеся к началу декабря 1911 г., расстрига, – я каждый день встречал Митю-блаженненько-го и писателя И.А. Родионова.

Они рассказывали мне про Григория и его придворную деятельность невероятные вещи. Родионов передавал со слов Щегловитова, а Митя – со слов [Начальник Дворцового управления] князя [М.С.] Путятина и князя [В.Н.] Орлова».

Известны доверительные контакты князя с еще одним влиятельным антираспутинцем и ненавистником Государыни – протопресвитером Армии и Флота о. Георгием Шавельским, происходившим из выкрестов.

«Во второй половине мая 1914 года, – читаем в мемуарах отца Георгия, – ко мне однажды заехали князь В.М. Волконский, товарищ председателя Государственной думы, и Свиты Его Величества генерал-майор князь В.Н. Орлов, начальник Походной Его Величества канцелярии. Первый был знаком со мной более заочно, со слов фрейлины Двора Елизаветы Сергеевны Олив, моей духовной дочери; со вторым я очень часто встречался при Дворе на разных парадных торжествах. Я знал, что князь Орлов – самое близкое к Государю лицо.

Приехавшие заявили, что они хотят вести со мной совершенно секретную беседу. Я увел их в свой кабинет, совершенно удаленный от жилых комнат. Никто подслушать нас не мог. Там они изложили мне цель своего приезда. Суть ее была в следующем. Влияние Распутина на Царя и Царицу всё растет, пропорционально чему растут в обществе и народе разговоры об этом и недовольство, граничащее с возмущением. Содействующих Распутину много, противодействующих ему мало. Активно или пассивно содействуют ему те, которые должны были бы бороться с ним. К таким лицам принадлежит духовник Их Величеств протоиерей А.В. Васильев. [...]

– Я чрезвычайно чту и люблю о. Васильева, – говорил князь Орлов, – как прекрасного пастыря и чудного человека, и потому особенно страдаю, видя тут его искреннее заблуждение в отношении Распутина. Несколько раз я пытался разубедить, вразумить его, – все мои усилия до настоящего времени оставались бесплодными. Мы приехали просить вас, не повлияете ли вы на о. Васильева, не убедите ли его изменить свое отношение к Распутину.

Я пообещал сделать всё возможное. Условились так: я позвоню по телефону к о. Васильеву и буду просить его спешно переговорить со мною по весьма серьезному делу. Переговоривши с ним, я чрез кн. Волконского извещу кн. Орлова об исполнении обещания, а затем в назначенный час побываю у последнего один без кн. Волконского. Вообще, чтобы не возбудить ни у кого, не исключая прислуги, каких-либо подозрений, мы условились соблюдать крайнюю осторожность, как при посещениях друг друга, так и в разговорах по телефону. [...]

Из беседы с князем Орловым я окончательно убедился, что распутинское дело зашло очень далеко».

Только война и возникшие вместе с ней непростые проблемы приостановила эту попытку (увы, не единственную) насильственного вмешательства в личную жизнь Царской Семьи. Но, конечно, не пресекла вовсе, а лишь отодвинула на время, поскольку участники ее не отказались от своих замыслов.

Генерал Александр Александрович Мосолов

Гораздо более опасными по своим возможностям (а потому и по последствиям) были близкие отношения князя В.Н. Орлова с Великим Князем Николаем Николаевичем, с началом Великой войны ставшим Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами.

Близкие отношения (особенно это было явно во время выездов Государя за пределы Царского Села: в Ставку и на фронт) связывали князя В.Н. Орлова, с одной стороны, с генералом В.Ф. Джунковским, а с другой, с адмиралом К.Д. Ниловым и «всезнающим осведомителем ближайшей Свиты» – помощником начальника Дворцовой полиции генерал-лейтенантом кня-

зем Н.Г. Тумановым. Нужно ли говорить, что все эти люди были также не только врагами Г.Е. Распутина и А.А. Вырубовой, но и скрытыми недоброжелателями Императрицы.

«Состоя в переписке с видными политическими деятелями, – высказывался о князе его более осторожный во внешних проявлениях единомышленник генерал А.А. Мосолов, – он был хорошо осведомлен об окружающей его действительности и один из всей Свиты был политически зрелым человеком. К его несчастью, окружение Государыни было ему явно несимпатично, он не скрывал своего отношения к распутинскому штату, и Императрице об этом доносили».

Солидарен с генералом-масоном был и французский посол при Русском Дворе Морис Палеолог. «Чтобы уравновесить зловередные происки этой шайки, – писал он, имея в виду усиление влияния Царского Друга, – я вижу около Государя только одно лицо – начальника военной Его Величества канцелярии, князя Владимира Орлова, сына прежнего посла в Париже. Человек прямой, гордый, всей душой преданный Императору, он с первого же дня высказался против Распутина и не устает бороться с ним, что, конечно, вызывает враждебное к нему отношение со стороны Государыни и г-жи Вырубовой».

Анна Александровна Вырубова

Рука опытных интриганов чувствуется в предвоенной интриге с отстранением А.А. Вырубовой, составлявшей по существу часть почти что удавшегося заговора.

События разворачивались весной 1914 г. в Крыму. Впервые подробно они описаны в седьмой книге нашего «расследования» «Милые, дорогие, не отчаивайтесь» (2013).

Чисто внешне инициатива последовавшей размолвки принадлежала Государыне. Разумеется, кроме Нее, этого никто бы и не смог сделать. Однако то, что время этого разрыва подозрительно *предшествовало*, с одной стороны, убийству Наследника Австро-Венгерского

Престола в Сараеве, а, с другой, *совпало* с отъездом Г.Е. Распутина на родину и готовившимся там покушением на его жизнь, всё это наводит нас на мысль о неслучайности всего произошедшего в Крыму.

Обратим в связи с этим внимание также на особую роль, которую в нагнетании ситуации сыграли флигель-адъютанты Его Величества: начальник Военно-походной канцелярии ЕИВ генерал-лейтенант князь В.Н. Орлов и капитан II ранга Н.П. Саблин.

Удалить от Государыни А.А. Вырубову, через которую шло общение Царской Семьи с Их Другом, – значило, с одной стороны, заставить Царя и Царицу вновь обратиться к услугам черногорок и их мужей (прежде всего, Великого Князя Николая Николаевича), а, с другой, – поставить эти контакты под жесткий контроль.

Свидетельством того, что люди, причастные к этому разрыву, прекрасно это понимали, являются вот эти слова Н.П. Саблина, записанные одним из его знакомых уже в эмиграции: «На мой вопрос, почему сейчас Распутин ближе к Вырубовой, чем Великому Князю Николаю Николаевичу и его окружению, Вырубова ответила, что это желание Императрицы: Ей легче и удобней сношаться с Распутиным через Вырубову, чем через Николая Николаевича или через Сандро Лейхтенбергского».

Был и еще один нюанс, который удаление Анны Александровны от Государыни делал выгодным для сторонников Великого Князя. Именно через А.А. Вырубову, считал П. Жильяр, Императрица получала сведения о подготовляемом Великим Князем Николаем Николаевичем дворцовом перевороте.

Императрица Александра Феодоровна с Николаем Павловичем Саблиным

Лишаясь А.А. Вырубовой, Государыня вообще теряла независимые (неконтролируемые заинтересованными лицами) контакты с внешним миром, что, в случае последующего физического устранения Г.Е. Распутина, вело к Ее тотальной изоляции и лишало, таким образом, возможности оказывать действенную помощь Своему Августейшему Супругу.

«Госпожа Вырубова, – писала одна из фрейлин Государыни (С.К. Буксгевден), – считала, что ее служба Императрице заключается в том, что она выступает в качестве связующего звена между Александрой Феодоровной и миром за стенами Дворца».

Несколько слов стоит сказать и о другом участнике комбинации – флигель-адъютанте, капитане I ранга Николае Павловиче Саблине (1880–1937), старшем офицере Императорской яхты «Штандарт», человеке весьма близком Царской Семье.

«О Саблине, – читаем в исключенных А.А. Вырубовой отрывках из своих опубликованных мемуаров, – можно писать тома. Но скажу вкратце, что его увлечение Государыней Ее очень трогало, т. к. Она утверждала, что если кто Ее любит, то только как Царицу, а не человека, что Она всюду вносит холод, – помню первые письма Она в шутку мне подписывала: “The Iceberg”.

Склонную к мечтательности, Ее трогало, когда Саблин простаивал в Царском Селе зимой по колено в снегу, чтобы увидеть как Она проедет мимо в экипаже, или ходил в Крыму по 20 вёрст по горным дорогам, надеясь Ее встретить, в дни, когда почему-либо не бывало приглашения на tennis. В 1914 г. Саблину, вероятно, надоела его игра, он стал ухаживать за какой-то дамой и под разными предлогами отклонял приглашения в Ливадию.

Узнав от товарищей настоящую причину, я имела неосторожность сказать Ее Величеству, чего он [Саблин] мне конечно не простил, и стал всячески сплетничать, а что говорил Саблин было свято, – и вот тут я пережила страдания хуже тюрьмы!

Валентин Серов. Портрет княгини О.К. Орловой. Эскиз. 1910 г.

Можно себе представить радость придворных. Князь Орлов вызвал телеграммой свою жену, в надежде, что она займет мое место. Никто из них не понимал, уйди я, всё равно, на моё место никто не станет».

Духовные скорби, принесенные усилиями ближайшего окружения Императрице и Ее подруге, были уврачеваны Григорием Ефимовичем по возвращении того, когда он поправился после ранения, нанесенного ему в Покровском заговорщиками.

Но пред этим Анна Александровна должна была перенести еще последствия железнодорожной катастрофы, случившейся 2 января 1915 г., характер которой до сих пор не вполне ясен.

Впоследствии газетчики сообщали одну небезынтересную подробность: как раз к отходу этого злополучного поезда на Царскосельский вокзал пришли несколько высокопоставленных лиц, в том числе товарищ министра внутренних дел генерал В.Ф. Джунковский и уже известная нам княгиня Ольга Константиновна Орлова. Все они решили не спешить занимать места в I классе, а дождаться следующего поезда.

А.А. Вырубова в Царскосельском госпитале после ранения в железнодорожной катастрофе

Генерал и княгиня наверняка общались между собой. Хорошо известно, что Владимир Федорович находился в дружественных отношениях с ее мужем. У генерала В.Ф. Джунковского и супругов Орловых было много общего: и ненависть к Г.Е. Распутину, и зложелательство по отношению к А.А. Вырубовой, и нелюбовь к Императрице. Не будем гадать, чем было вызвано их решение оставаться ждать следующего поезда: случайностью или они что-то знали. Во всяком случае, это позволило тому и другому одними из первых оказаться на месте трагедии.

«Часа через два, – вспоминая первые минуты после крушения поезда, писала впоследствии А.А. Вырубова, – появилась княжна Гедройц в сопровождении княгини Орловой. Я обрадовалась приходу Гедройц, думая, что она сразу мне поможет. Они подошли ко мне; княгиня Орлова смотрела на меня в лорнетку, Гедройц пощупала переломленную кость под глазом и, обернувшись к княгине Орловой, произнесла: “Она умирает”, – и вышла. Оставшись совершенно одной, так как остальных раненых уносили, я только молилась, чтобы Бог дал мне терпение. Только около 10 часов вечера по настоянию генерала Ресина, который приехал из Царского Села, меня перенесли в вагон-теплушку какие-то добрые студенты-санитары».

Дама с лорнеткой была никто иная как княгиня О.К. Орлова, содержавшая, начиная с 1914 г., свой лазарет в Царском Селе и, выходящая, дружившая с княжной В.И. Гедройц, личностью также, следует признать, весьма странной в окружении Императрицы.

Что касается Ольги Константиновны, то был, кажется, ее звездный час: женщина, стоявшая, по ее мнению, на пути к вожделенной цели (быть рядом с Государыней), лежала поверженной перед лицом, казалось, неизбежной смерти...

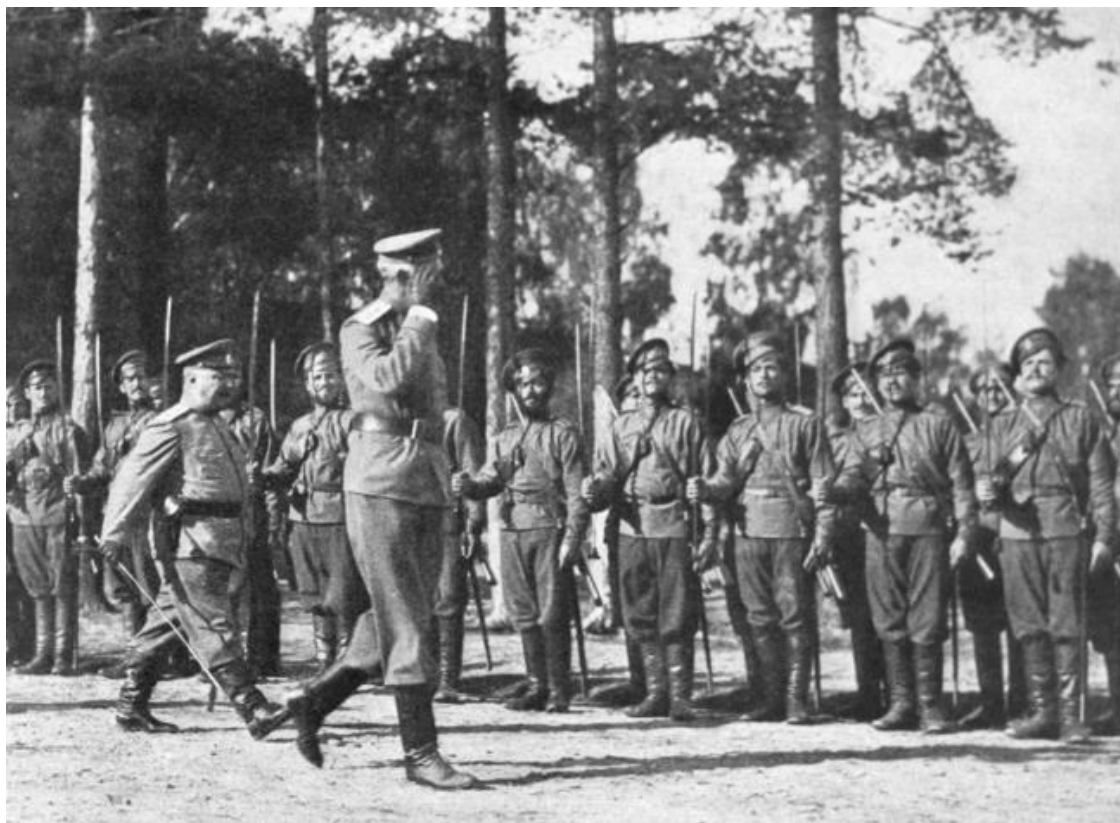
«Быть может, за стеной Кавказа»

Политические интриги в Ставке Великого Князя Николая Николаевича, являвшегося Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, приводившие к смене министров, что, в свою очередь, способствовало изменению курса Правительства, заставило в конце концов Императора Николая II принять решение о смещении беспокойного дядюшки, а заодно и активно действовавшего на стороне последнего князя В.Н. Орлова.

26 августа 1915 г. в Ставку прибыл Военный министр генерал А.А. Поливанов, сообщив Великому Князю об отставке с поста Верховного главнокомандующего и назначении его командующим Кавказской армией и Наместником Кавказа. Сразу же после получения этого столь неприятного известия Великий Князь вызвал к себе близких ему по духу людей, начальника штаба Ставки генерала Н.Н. Янушкевича и протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского, и совещался с ними около часа.

По наблюдению близко стоявших к нему людей, Великий Князь после этого «сильно постарел» и, хотя не высказывался вслух, «чувствовалось, что его отношения с Государем кончены». Супруга же его, Великая Княгиня Анастасия Николаевна «не скрывала своей неприязни к Государю и Государыне Александре Федоровне. “Россией правят темные силы”, – говорила она не раз».

Что касается князя В.Н. Орлова, то об изменениях в своем положении он узнал после того, как Император, отправлявшийся в Ставку в качестве Верховного Главнокомандующего, вычеркнул его имя из списка лиц, которые должны были отправиться вместе с Ним на Царском поезде.

Великий Князь Николай Николаевич обходит строй казаков в сопровождении князя В.Н. Орлова. Ставка. 1915 г.

«Владимир Николаевич, – писал французский посол Морис Палеолог, – узнал о своей опале неприятным и неожиданным образом. Сообщая Великому Князю Николаю о назначении его Императорским наместником на Кавказе, Царь прибавил к Своему письму такой *postscriptum*: “Что касается Владимира Орлова, которого ты так любишь, Я отдаю его тебе; он может быть тебе полезен для гражданских дел”. Великий Князь, который связан тесной дружбой с Орловым, тотчас же через одного из своих адъютантов спросил его о том, что означает это неожиданное решение».

Так, 27 августа 1915 г. завершилось долголетнее (с 26 августа 1906 г.) управление князем В.Н. Орловым Военно-походной канцелярией Его Императорского Величества.

Да, велико было долготерпение Царево, но и не бесконечно...

Итак, к новому месту назначения Великий Князь отправился со своим окружением, которое современники оценивали весьма невысоко. «...При Николае Николаевиче, – считал Великий Князь Николай Михайлович, – нет ни одного даровитого советника, а лишь группа случайных людей и даже выскочек...» Известен также отзыв и генерала М.В. Алексева: «Какие бездарности окружают Великого Князя!»

Он вытребовал с собой не только генерала Н.Н. Янушкевича (1868–1918), несшего при нем фактически придворно-дипломатическую службу. (Официально же он был назначен помощником по военной части Наместника (с 18.8.1915), а позднее (с 13.9.1916), одновременно, главным начальником снабжения Кавказской армии.)

Князь В.Н. Орлов (слева) с Лейб-хирургом Императорской Семьи профессором Сергеем Петровичем Федоровым (1869–1936) в Ставке.

Трудно поверить что этот поистине необъятных размеров князь в 1900 г. участвовал в летних Олимпийских играх в Париже, заняв в конных состязаниях 31-е место из 57-ми

Помощником по гражданской части Наместника стал тесно связанный с Великим Князем генерал князь В.Н. Орлов. Наконец, директором канцелярии Кавказского Наместника был поставлен П.В. Истомин (1879–1937), также, как и предыдущий, непримиримый враг Царского Друга.

Эта фигура в окружении Николая Николаевича также не была случайна.

Петр Владимирович был близок Великой Княгине Елизавете Феодоровне и еще одному человеку из ближайшего ее окружения – генералу и масону В.Ф. Джунковскому, после октябрьского переворота 1917 г. активно сотрудничавшему с чекистами.

На Кавказ П.В. Истомин попал сразу же после своей отставки (25.9.1915) с поста товарища Обер-прокурора Св. Синода вместе со своим шефом А.Д. Самариним, попытавшимся дать бой Государю Императору и Императрице в связи с прославлением святителя Иоанна Тобольского. (Подробно об этом мы писали в нашей книге. «Последний Царский Святой». СПб. 2003).

Кстати, сам князь В.Н. Орлов, в отличие от В.Ф. Джунковского или своего патрона, Великого Князя, масоном не был. Ни в списках Н.Н. Берберовой или О.А. Платонова, равно как и в авторитетном словаре А.И. Серкова, его имя не значится. В последнем фигурирует лишь его отец – князь Николай Алексеевич Орлов, принадлежавший к московской ложе Теоретического градуса.

Упор на масонство Владимира Николаевича (видимо, для вящей убедительности общей концепции) делает в своей книжке лишь Т.Л. Миронова, не подкрепляя это какими-либо ссылками на источники. Поддавшись убедительности тона, и я (в подстраничном примечании к одной из своих книг) повторил однажды это совершенно безосновательное утверждение.

Бытует и еще одна легенда: о «княжеском благородстве» (да и как иначе, если Владимир Николаевич фрондировал по отношению к Царю, Царице и Их Другу?). Так, автор очерка о князьях Орловых, работник Эрмитажа В.М. Файбисович утверждает: «С полным достоинством он воздержался от всякой жалобы, от упреков, и отправился в путь в Тифлис».

Тем не менее, и этот свой уход князь завершил решительным протестом, которым, как ему, видимо, хотелось думать, он утверждал среди ближайшего Царского окружения свою правоту.

По свидетельству французского посла Палеолога (о чем тот знал, скорее всего, со слов того же князя), В.Н. Орлов написал письмо на имя Министра Императорского Двора графа В.Б. Фредерикса, явно рассчитанного на уши Царя и придворных, в котором «умолял этого старого слугу открыть глаза Монарху на гнусную роль Распутина и его сообщников, на которых он указывал, как на агентов Германии».

Послание завершилось зловещим предупреждением-ультиматумом: «Император не может более терять ни одного дня для того, чтобы освободиться от темных сил, которые его угнетают. В противном случае, скоро наступит конец Романовым и России».

Одновременно была предпринята атака и с другой стороны.

«Ах, Моя Душка, – сообщила Государю Императрица в письме 11 ноября 1915 г., – Я принимала Ольгу Орлову, нарочно просила Ольгу и Анастасию остаться в комнате, всё обошлось хорошо, но когда Я встала, она попросила позволения говорить со Мной наедине, и тогда она всё выпалила насчет своего мужа и стала спрашивать, что у Меня против него, и говорила, что надеется, что Я не верю тем клеветам, которые против него распространяют.

Мне было жаль ее, но было страшно больно, так как Я не могла ее огорчить. Я как-то отделалась, но не думаю, чтобы она ушла сколько-нибудь разяснив себе вопрос – Я была любезна и спокойна, и никакой неправды не говорила – ну Я не буду надоедать Тебе этим разговором. Слава Богу, что он прошел, – приходится выбирать Свои слова, чтобы потом они не были повернуты против Меня».

Назначение князя В.Н. Орлова помощником по гражданской части Наместника на Кавказе с производством в генерал-лейтенанты последовало 16 ноября 1915 г.

Вскоре лица, прибывшие на Кавказ вместе с Великим Князем, приобрели в Тифлисском обществе название «штаб-двора», развернув привычную им деятельность.

«...Вечером, – записала в свой дневник 1 января 1916 г. прибывшая в Тифлис англичанка Сара Макнафтан, – мы отправились в ложу Орлова на спектакль “Кармен”. Это было очень по-

русски и роскошно. В глубине ложи были две гостиные, где мы располагались для бесед между актами и где нам подавали чай, шоколад и т. п.».

По свидетельству очевидца, «в среде высшего командного состава поползли неизвестные раньше интриганство и политиканство».

Сам Великий Князь, даже оказавшись на Кавказе, не оставлял своих политических амбиций, позволяя использовать себя известным силам для давления на Государя.

Широко известна попытка привлечения Николая Николаевича к заговору.

Великий Князь Николай Николаевич с членами Георгиевской Думы Кавказского фронта 1916 г.

Проект этого заговора (точнее, дворцового переворота) исходил из среды земско-городских деятелей. В случае успеха Трон должен был перейти к Великому Князю. Воцарение же должно было сопровождаться образованием ответственного министерства.

9 декабря 1916 г. в 10 вечера, после закрытия в Москве полицией V съезда представителей Всероссийского союза городов, на квартире князя Г.Е. Львова собралось секретное совещание. В нем приняли участие Н.М. Кишкин, М.М. Федоров, М.В. Челноков и А.И. Хатисов. Все масоны. Да и сам Николай Николаевич, о котором там зашла речь, как известно, также принадлежал к ложе мартинистов.

На совещании решено было свергнуть с Престола Императора Николая II, заменив Его Великим Князем Николаем Николаевичем.

«Главное препятствие, – заявил собравшимся князь Г.Е. Львов, – в личности Государя: Его пребывание у власти более невозможно! [...] Единственный человек, могущий сейчас спасти положение – это Великий Князь Николай Николаевич, Наместник Кавказа. Ему доверяет армия и страна. Мы должны просить его взять власть в свои руки и вывести страну из ужасного положения».

Вступить в переговоры с Великим Князем заговорщиками был уполномочен городской голова Тифлиса Александр Иванович Хатисов (Хатисян) (1874–1945)⁴.

Еще в 1902 г. он стал гласным Тифлисской городской думы и советником городского совета, а в 1904 г. – членом Тифлисской городской управы. Находясь на этих постах, принимал участие в революции 1905–1907 гг. В 1907 г. он занимал пост заместителя, а с 1910 г. – городского головы Тифлиса.

Тесные отношения связывали его с партией «Дашнакцутюн». Одновременно А.И. Хатисов поддерживал контакты с известными большевиками: Б. Мдивани, Ф. Махарадзе, М. Орхелашвили, С. А. Тер-Петросяном (Камо), Н. Элиавой.

---

⁴ А.И. Хатисов после февральского переворота был министром финансов и продовольствия в Закавказской демократической федеративной республике (1918), министром иностранных дел и премьер-министром Республики Армения (1919–1920). В 1920 г. Александр Иванович выехал в эмиграцию в Париж, где занимался общественной деятельностью.

Александр Иванович Хатисов

В годы Великой войны А.И. Хатисов состоял председателем Кавказского отдела Союза городов, уполномоченным Союза городов по Кавказу, а также членом Государственной думы.

Большевик С.С. Спандарян характеризовал его следующим образом: «Любимец наместницы, всей администрации, благословляемый армянским католиком, экзархом Грузии, поздравляемый охранным отделением, сыскной полицией и комендантским управлением, пью-

щий за здоровье русского воинства, одновременно дашнакцукан, эсдек и кадет». Словом, всё было так, как, видимо, и приличествовало масону 33 градуса...

Прежде чем отправиться на Кавказ А.И. Хатисов выехал в Петроград, где беседовал с П.Н. Милюковым и Н.С. Чхеидзе. В Тифлис он прибыл 30 декабря. Проект, выработанный на секретном московском совещании, А.И. Хатисов изложил Великому Князю сразу же после новогоднего приема 1 января 1917 г.

Беседа длилась около часа. Наместник попросил два дня «на размышления». Подумав, Николай Николаевич решил не рисковать...

Тем не менее, Государю об этих переговорах стало известно. Доложил Ему об этом директор Департамента полиции генерал Е.К. Климович. В середине февраля 1917 г., по словам А.И. Хатисова, за десять дней до переворота, доверенное лицо Великого Князя пришло к нему в кабинет, сообщив: «Я должен вам сказать, что поручение, которые вы взяли на себя выполнить, стало известно Департаменту полиции и доложено Государю. Результатом этого является проект назначения Его Высочества Наместником Дальнего Востока с местожительством во Владивостоке...»

«27-го февраля, получив по прямому проводу сведения о начавшейся в Петрограде революции и захвате власти Государственной думой, – писал генерал В.Н. Воейков, – Великий Князь вызвал к себе А.И. Хатисова и дал ему поручение оповестить о происходящих событиях население Тифлиса, Тифлисский гарнизон и политические партии, заявив им, что Великий Князь сочувствует начавшемуся народному движению.

На Эриванской площади был создан всенародный митинг; А.И. Хатисов с генералом князем Вачнадзе объехали казармы, где объявляли солдатам Тифлисского гарнизона о сочувствии Великого Князя революции. После объезда Хатисов вернулся во Дворец в сопровождении главарей социал-демократических партий, которым Наместник Его Величества лично заявил о своем присоединении к народному движению. На вопрос Великого Князя, верят ли ему социал-демократы, Жордания ответил: “Да”».

В тот же день Великий Князь попросил А.И. Хатисова пригласить к нему лидеров социал-демократов и дашнаков.

Послав телеграмму Государю, в которой «колени преклоненно» умолял Племянника отречься от Престола, Великий Князь посчитал необходимым отчитаться о проделанной работе перед председателем мятежной Думы М.В. Родзянко (2 марта 12 ч. 47 м.): «Сейчас я в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексеева обратился к Государю Императору с верноподданнической мольбой – ради спасения России и победоносного окончания войны принять решение, признаваемое нами единственным выходом при создавшихся роковых условиях. Главнокомандующий Кавказской армией, генерал-адъютант Николай».

Однако сами временщики в начале марта уже вряд ли нуждались в Великом Князе. Еще недавно он им был нужен для осуществления заговора. Сейчас же, во избежание неприятных неожиданностей, его необходимо было выманить с Кавказа, призвать его именем войска к подчинению, его самого заставить присягнуть (т. е. связать его клятвой), а потом под тем или иным предлогом избавиться от него.

7 марта в 10 часов утра ничего не подозревавший Николай Николаевич выехал из Тифлиса.

Великий Князь действительно добрался до Ставки. По пути его не остановили. Более того, толпы народа на железнодорожных станциях приветствовали Николая Николаевича, но он предпочитал не выходить из вагона.

В Могилев поезд прибыл 10 марта рано утром.

11 марта присягнувший временщикам Великий Князь Николай Николаевич был официально отчислен от должности, так и не приступив к обещанным ему обязанностям.

Всё окружение несостоявшегося Императора тут же подало прошения об отставке.

Служивший в Ставке дежурный генерал П.К. Кондзеровский обратился к подававшему бумагу князю В.Н. Орлову с вопросом, что его побудило принять такое решение. Присутствовавший при этом генерал М.Е. Крупенский, упредив ответ, сказал: «Какая же может быть причина – довольно посмотреть на князя, и будет ясно, что он служить не может».

Зрелище, что и говорить, действительно было жалким...

Именно при таких обстоятельствах состоялось отставка князя В.Н. Орлова «с мундиром и пенсией».

«В парке Чаир распускаются розы»

Однако Владимир Николаевич оружия складывать не собирался, пытаясь разыграть новую комбинацию.

Вслед за Великим Князем Николаем Николаевичем и его супругой Великой Княгиней Анастасией Николаевной, уехавшими в их крымскую резиденцию Чаир, за ними последовали князь В.Н. Орлов с женой.

Вскоре к ним присоединился и их единственный сын Николай – главный предмет нашего интереса.

Имение Чаир

Николай Владимирович родился в Петербурге 12 марта 1896 г.

Получив домашнее образование, он поступил в Императорский Александровский лицей, который закончил в 1915 г. Затем было Михайловское артиллерийское училище, в котором, после ускоренного восьмимесячного курса, в том же 1915 г. он был выпущен в Лейб-Гвардии конную артиллерию прапорщиком.

Находясь в составе 1-й батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады, в течение года он получил чин поручика, а заодно и флигель-адъютантские аксельбанты.

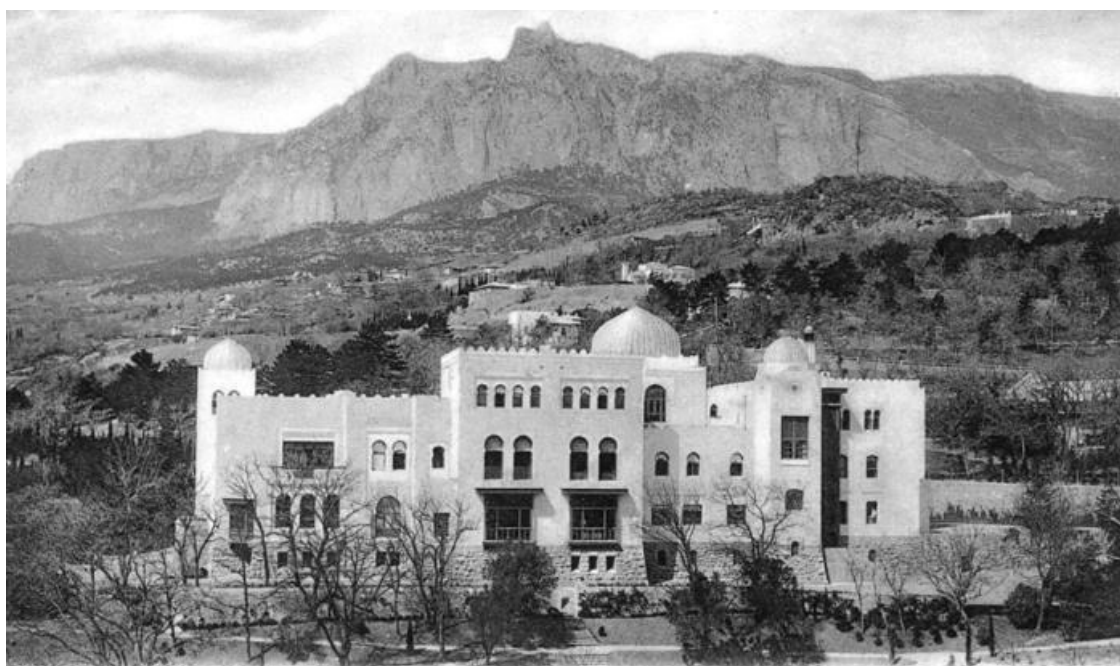
Служба Николая Владимировича проходила на Кавказе под началом Великого Князя Николая Николаевича. В 1915–1917 гг. его направляли с двумя миссиями: в Персию и на Турецкий фронт. Вместе с отцом он в марте 1917 г. сопровождал Царского дядюшку в Ставку...

При Временном правительстве князь Н.В. Орлов остался на службе. Летом и осенью 1917 г. он был со своей батареей в районе Стохода и Тарнополя. После прихода к власти большевиков был избран солдатами членом Совета артиллерийского дивизиона. Дальнейшие события заставили его в конце декабря бежать в Крым к семье.

«Остроумный и обаятельный человек с большим знанием света, он был типичным представителем аристократической культуры и кроме родного языка владел английским, французским, немецким, итальянским, испанским и сербским», – так пишет о нем Джон Стюарт – английский эксперт, готовивший к продаже на аукционе «Сотбис» архив Н.А. Соколова, оказавшийся в ведении наследников князя Н.В. Орлова.

На своего сына у Орлова старшего были далеко идущие планы. Дело в том, что по соседству с Чаиром, в имении Дюльбер обосновался брат бывшего Кавказского Наместника – Великий Князь Петр Николаевич с супругой Великой Княгиней Милицей Николаевной и детьми.

Среди них была младшая дочь – Княжна Императорской Крови Надежда Петровна, появившаяся на свет 3 марта 1898 г. как раз в этой крымской резиденции своего отца, внука Императора Николая Павловича, на мысе Мисхор.

Крымъ. Дюльберъ. - Дворецъ В. К. Петра Николаевича.

Имение Дюльбер

К тому времени она пережила большое горе, потеряв жениха – Князя Императорской Крови Олега Константиновича (1892–1914) – четвертого сына Великого Князя Константина Константиновича. Он был единственным представителем Императорской Фамилии, получившим не военное, как обычно, а светское образование, окончив Александровский Лицей двумя годами ранее князя Н.В. Орлова.

Княжна Надежда Петровна с братом Князем Романом Петровичем. Крым. 1917 г.

С Олегом Константиновичем Надежда Петровна была знакома с детства, встречаясь с ним не только в Петербурге, но и в Крыму. Он приходился ей троюродным братом. Помолвка состоялась в начале 1914 г., а вскоре началась война...

«Мы все пять братьев, – записал Князь Олег в своем дневнике, – идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне».

Князь Олег Константинович. Февраль 1914 г.

Князь Олег Константинович скончался 29 сентября 1914 г. от ран, полученных им в первом же бою, став единственным Членом Российского Императорского Дома, погибшим в Великой войне.

Весть о гибели жениха Княжна Надежда Петровна получила в Киеве, где с матерью и сестрой они работали сестрами милосердия в госпитале при Покровском монастыре, основанном их бабушкой – Великой Княгиней Анастасией Петровной, в монашестве Анастасией.

Княжна Надежда Петровна с братом Князем Романом Петровичем. Крым. 1917 г.

С тех пор минуло два с половиной года. И вот, находясь на изломе времен, в обстановке безвременья и неясностей, на пороге новых, еще более грозных событий и еще более крутых перемен, был заключен этот союз, пусть и морганатический, неравнородный, но зато проверенный временем и испытанием на верность между родителями жениха и невесты.

Таким образом, герой нашего разыскания – князь Николай Владимирович Орлов – изначально оказывался встроенным в интригу Великого Князя Николая Николаевича и своего отца, имевшую ярко выраженный антираспутинский оттенок, которую им впоследствии удалось ретранслировать и следователю Н.А. Соколову, к тому времени вполне готовому к восприятию этого посыла.

Последнее подмечал даже помянутый нами Джон Стюарт: «Слухи вроде тех, что распространял [В.Н.] Орлов, сыграли видную роль в подготовке почвы для крушения Монархии в феврале 1917 года. [...] [Н.А.] Соколов также был убежден в темной природе влияния Распутина на Императрицу и в его участии в германском заговоре, направленном на уничтожение Царской Семьи».

Храм Святой Равноапостольной Нины в Хараксе. Фото 1918 г.

Знакомство Княжны Надежды Петровны с будущим мужем произошло еще в Тифлисе, во время Кавказского наместничества ее дяди.

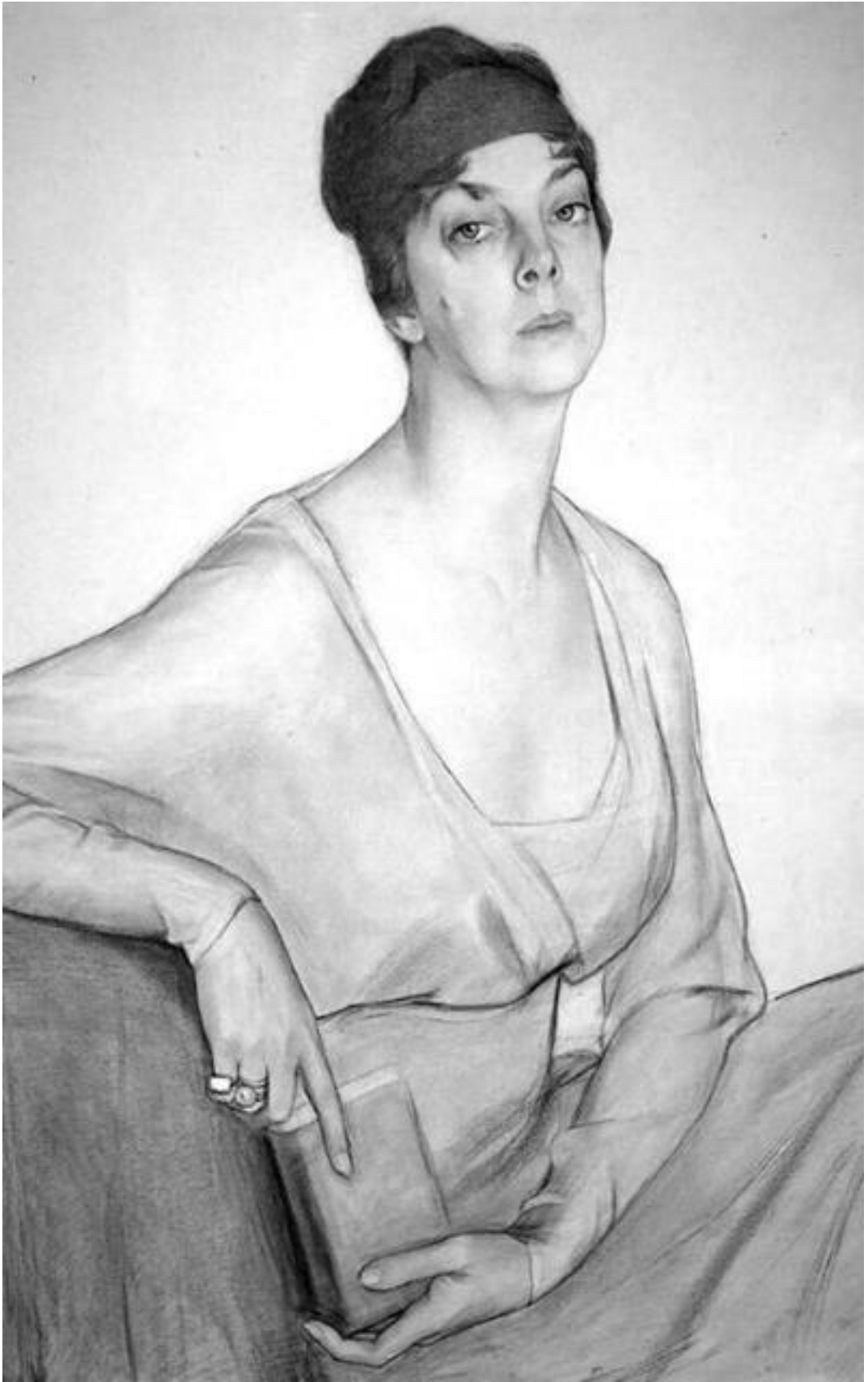
Венчание состоялось в храме Святой Равноапостольной Нины в Хараксе, имении Великого Князя Георгия Михайловича, 10 апреля 1917 г. (иногда, правда, называют и другую дату: 12 апреля).

Жениху исполнилось двадцать четыре. Невесте было девятнадцать.

Князя Орловы: Николай Владимірович и Надежда Петровна. В день венчания

Свадебные торжества, учитывая политическую обстановку, прошли весьма скромно. И на венчании и на свадебном застолье присутствовали только самые близкие родственники.

Савелий Сорин. Портрет княгини Ольги Константиновны Орловой. 1917 г. Бумага на коленкоре, карандаш, сангина, белила. Государственный Русский музей в Петербурге

Царские Дочери, будучи в Царскосельском заточении узнав об этом событии, расспрашивали своих немногочисленных корреспондентов о подробностях.

В течение двух лет – с весны 1917-го до весны 1919-го – молодые супруги безвыездно прожили в Крыму.

Савелий Сорин. Портрет княгини Надежды Петровны Орловой. 1917 г. Бумага, карандаш, цветные мелки. В 2009 г. подарен Государственному Эрмитажу Морисом Барошем, владельцем парижской художественной галереи

Летом 1917 г. среди беженцев, наполнивших Ялту, оказался модный в то время художник-портретист Савелий Абрамович Сорин (1878–1953) – сын еврея-портного из Полоцка и матери-молоканки.

Изрядно постаревшая, но все еще молодящаяся светская львица княгиня Ольга Константиновна Орлова тотчас же заказала ему портрет своей невестки, ну и свой, конечно.

Портрет княгини О.К. Орловой кисти Савелия Сорина находится ныне в Русском музее в Петербурге, рядом со знаменитым серовским ее портретом.

У Сорина, пишут искусствоведы, она «не менее надменна и своенравна, чем это показал Серов». Однако, в отличие от предшественника, С.А. Сорин «никогда оценок не ставил, наоборот, он, скорее, стремился “войти в положение” модели, быть по-человечески расположенным к ней даже в том случае, когда в жизни она не вызывала у него особых симпатий. Он оставался искателем “правды-красоты [...] В этом смысле его портрет Орловой можно причислить к безусловным удачам».

Это, между прочим, признавал и сам портретист. В 1929 г. он в письме баронессе М.Д. Врангель называл этот портрет среди своих «наиболее отмеченных» работ.

Свадьба единственного сына была, пожалуй, одним из последних событий, в котором участвовали оба супруга.

Дело в том, что князь Владимир Николаевич Орлов влюбился. Избранницей его сердца стала графиня Елизавета Александровна Лидере (Людерс) – Веймарн (1883–1969), разведенная супруга ротмистра Н.И. Кавелина.

В день свадьбы. В первом ряду (слева направо): Великий Князь Николай Николаевич, князь Н.В. Орлов, княгиня Н.П. Орлова и князь В.Н. Орлов. Во второго ряду: Великая Княгиня Анастасия Николаевна, Великий Князь Петр Николаевич, Великая Княгиня Милица Николаевна и княгиня О.К. Орлова

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, благоволившая князю, весьма неодобрительно высказывалась по этому поводу, выказывая сочувствие Ольге Константиновне.

Вот свидетельствующие об этом записи из Ее дневника.

17 мая 1917 г.: «Встретили Орлова, ехавшего с какой-то дамой и двумя дочерьми, он пришел в замешательство, не мог решить, то ли здороваться с нами, то ли нет».

5 июля 1918 г.: «Накоротке побеседовала с Ольгой Орловой, которая рассказала, что ее муж был у нее в первый раз за целый месяц. Так дело продолжаться не может, мне ее очень жаль».

Влюбленные хотели даже покинуть Крым. «...Сообщили, – говорится в дневниковой записи от 23 сентября 1918 г. Государыни, – что наш славный Влади Орлов принял решение уехать отсюда в пятницу со своей мадам – вот уж действительно стыд и срам и такая глупость! Все, кто любит его, возмущены». Однако замысел расстроился и отъезд пришлось отложить.

Разница в возрасте между князем В.Н. Орловым и графиней Е.А. Лидерс-Веймарн была значительной: 15 лет. Однако, сильно похудев, князь как будто даже построилел и помолодел.

Тем временем у молодоженов появился первенец: 17 марта 1918 г. в Кореизе у них родилась дочь Ирина.

Князь В.Н. Орлов с тросточкой во френче. Фрагмент групповой фотографии, сделанной в Дюльбере. 1918 г.

Тогда они еще не предполагали, что над всеми обитателями крымских романовских резиденций, живших уже в условиях большевицкого режима, нависла смертельная угроза.

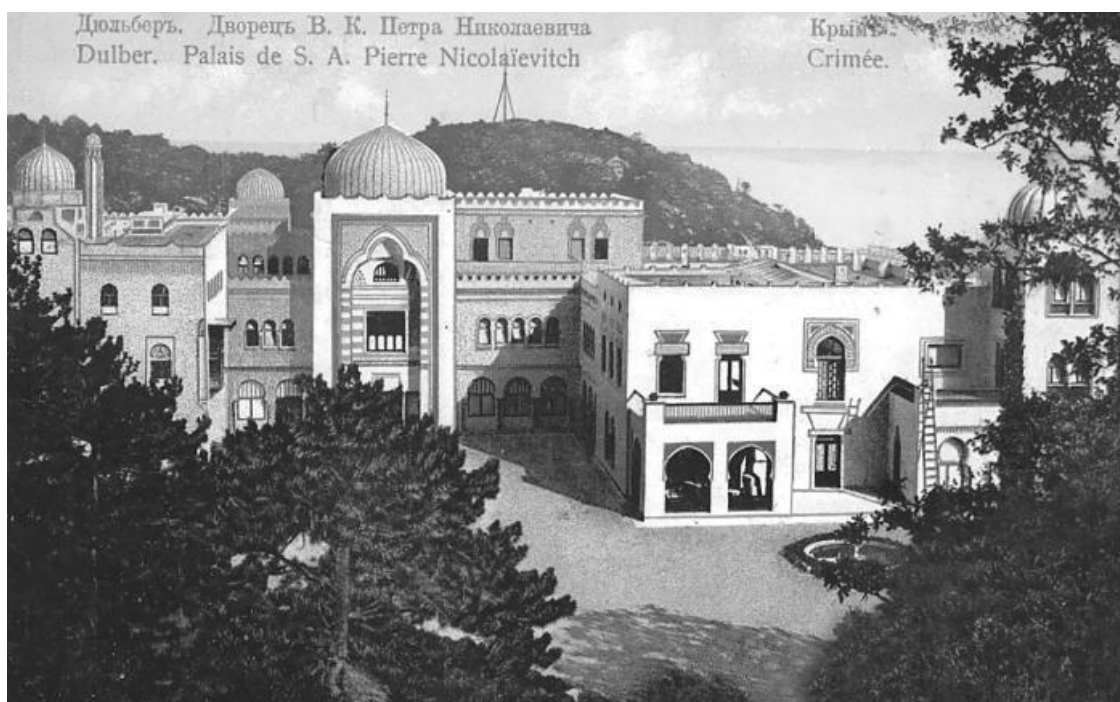
В то время в Дюльбере, кроме Великого Князя Петра Николаевича, его семьи, включая зятя князя Н.В. Орлова, жили его брат, Великий Князь Николай Николаевич с семьей. Сюда же была перемещена вдовствующая Императрица Мария Феодоровна с дочерью, Великой Княгиней Ксенией Александровной и зятем, Великим Князем Александром Михайловичем и их детьми

Все они находились под домашним арестом, числясь за Севастопольским советом, чьи права активно оспаривал более радикальный Ялтинский совет, решивший в апреле 1918 г. казнить всех Романовых, проживавших в Крыму.

От этих крайних мер их спас комиссар Задорожный, по не до конца выясненным причинам симпатизировавший Великому Князю Александру Михайловичу.

Благодаря этому обстоятельству была спасена и жизнь князя Николая Владимировича Орлова.

«В своих постоянных сношениях с Москвою, – вспоминал Великий Князь Александр Михайлович, – Ялтинский совет нашел новый повод для нашего преследования. Нас обвинили в укрывательстве генерала, Орлова, подавлявшего революционное движение в Эстонии в 1907 году. Из Москвы был получен приказ произвести у нас обыск под наблюдением нашего постоянного визитера, врага Задорожного.

Дворец Великого Князя Петра Николаевича в Дюльбере

В соседнем с нами имении действительно проживал бывший флигель-адъютант Государя князь Орлов, женатый на дочери Великого Князя Петра Николаевича, но он не имел ничего общего с генералом Орловым. Даже наш непримиримый ялтинский ненавистник согласился с тем, что князь Орлов по своему возрасту не мог быть генералом в 1907 году. Все же он решил арестовать князя, чтобы предъявить его эстонским товарищам.

– Ничего подобного, – возвысил голос Задорожный, который был крайне раздражен этим вмешательством: – в предписании из Москвы говорится о бывшем генерале Орлове, и это не

дает вам никакого права арестовать бывшего князя Орлова. Со мной этот номер не пройдет. Я вас знаю. Вы его пристрелите за углом и потом будете уверять, что это был генерал Орлов, которого я укрывал. Лучше убирайтесь вон.

Молодой человек в кожаной куртке и галифе побледнел, как полотно.

– Товарищ Задорожный, ради Бога, – стал он умолять дрожащим голосом: – дайте мне его, а то мне несдобровать. Моим товарищам эти вечные поездки в Дюльбер надоели. Если я вернусь в Ялту без арестованного, они придут в ярость, и я ни знаю, что они со мною сделают.

– Это дело ваше, – ответил, насмешливо улыбаясь, Задорожный: – вы хотели подкопаться под меня, и сами себе вырыли яму. Убирайтесь теперь вон.

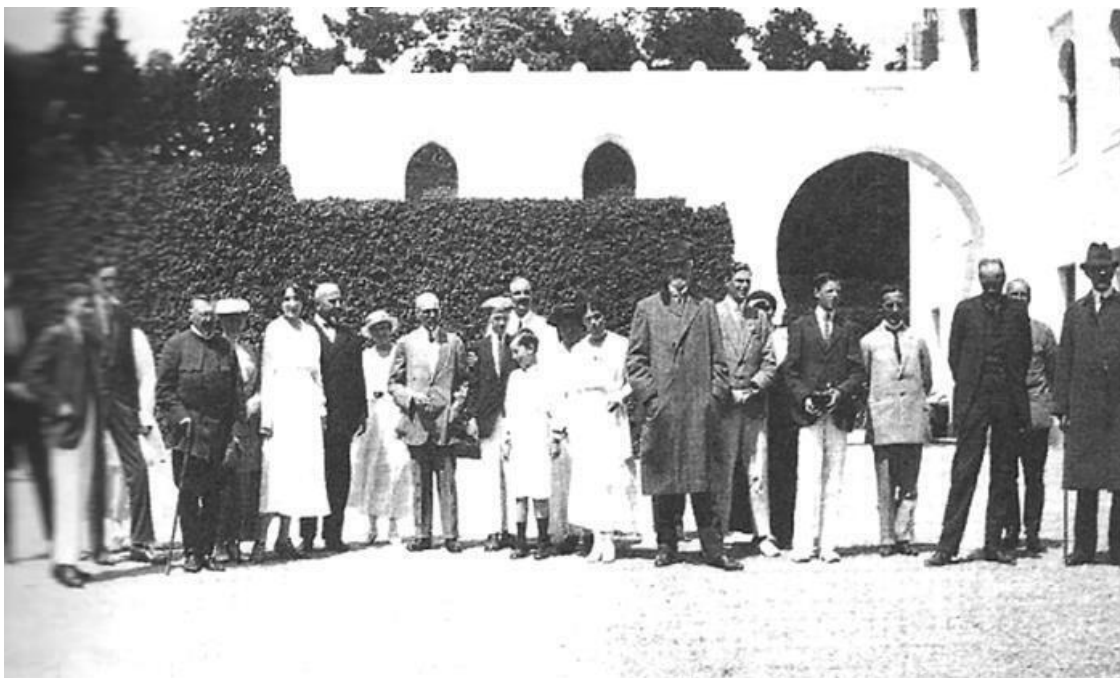
Он открыл настежь ворота и почти выбросил своего врага за порог.

Около полуночи Задорожный постучал в дверь нашей спальни и вызвал меня. Он говорил грубым шёпотом:

– Мы в затруднительном положении. Давайте, обсудим, что нам делать. Ялтинская банда его таки пристрелила...

– Кого? Орлова?

– Нет... Орлов спит в своей постели. С ним все обстоит благополучно. Они расстреляли того болтуна. Как он и говорил, они потеряли терпение, когда он явился с пустыми руками, и они, его пристрелили по дороге в Ялту».

Члены Дома Романовых после освобождения Крыма от большевиков немцами во дворе дворца Дюльбер

Окончательно от опасности обитатели Дюльбера были спасены лишь после прихода в Крым немцев в апреле 1918 г.

Вдовствующая Императрица переселилась в Харакс – имение Великого Князя Георгия Михайловича.

Великий Князь Александр Михайлович с семьей – в свой Ай-Тодор.

Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с семьями, а также князья Орловы остались в Дюльбере.

Прощай, Россия!

Немецкая оккупация Крыма продолжалась с 1 мая по 15 ноября 1918 г.

26 ноября 22 судна Средиземноморской эскадры союзников подошли к Севастополю, а в сам город вступили французские части.

Почти за три недели до этого, 7 ноября, командующий английскими войсками адмирал Тёрл нанес визит вдовствующей Императрице, сообщив Ей, что Король Георг V обеспечит эвакуацию Государыни.

Королева Мария, Джо Бойл и Принцесса Ияна в Биказе. Лето 1918 г.

Мария Феодоровна отказалась, заявив, что Она «никогда не сможет позволить Себе бежать таким вот образом».

Через некоторое время, 12 ноября пришел прибывший на румынском судне английский полковник Бойл – посланец Румынской

Королевы Марии, внучки Императора Александра II – с аналогичным предложением.

Джозеф Уайтсайд Бойл (1867–1923) – уроженец Вудстока (Канада), участник Великой войны.

Встречавшийся с ним 29 ноября 1918 г. П.Н. Милюков писал, что он «провел 18 месяцев в России, занимаясь продовольствием войск на Румынском фронте, а потом, при большевиках, в Петрограде и Москве. [...] Рассказывает о своих разговорах с Коллонтай, Залкиндом, Троцким, Подвойским. [...] Был в Ставке в вагоне, в момент убийства Духонина [...]... Voyle показал нам целую тетрадку удостоверений, выданных ему большевиками, за подписями Иоффе, Дзержинского [...], Муравьева [...], Антонова»⁵.

В декабре 1917 г. содействовал возвращению в Румынию переданных во время войны в Россию Королевского архива и ценных бумаг. В феврале 1918 г. был посредником при заключении соглашения с большевиками по прекращению огня в Бессарабии. Вместе с английским разведчиком Джорджем Александером Хиллом (1892–1968) провел операцию по возвращению в Румынию находившихся в Кремле Королевской Короны и исторических сокровищ. В марте-апреле 1918 г. Бойл способствовал освобождению захваченных в Одессе в качестве заложников 50 высокопоставленных румынских подданных. В ноябре 1918 г. через Бессарабию он вывез в Румынию Великую Княгиню Марию Павловну младшую и ее супруга князя С.М. Путятин.

Описывая дальнейшие приключения полковника Бойла, П.Н. Милюков записывает далее в дневнике: «В конце в Одессе с Раковским; в Феодосии с большевиками; оттуда под видом обмена на русских пленных в Румынию. [...] Теперь был в Ялте, беседовал со Стаалем о намерениях Великого Князя Николая Николаевича. [...] Он привез письмо от Румынской Королевы. Устный ответ: благодарит и ответит письменно, когда будет возможность. Я, говорит Бойл, хотел разузнать взгляды Великого Князя и для этого сказал Стаалю свой взгляд: Россия должна иметь голову, чтобы восстановить порядок. Республика в России равносильна большевизму. Разница между между русским (я поправляю: умеренным социалистом) и большевиком – только та, что один говорит, а другой делает. [...] России нужна Монархия, и Николай Николаевич – единственный человек, чтобы стать во главе. [...] Отвечаю: прежде всего не надо спешить с Великим Князем Николаем Николаевичем. Надо признать правительство при Деникине, и Деникина – главнокомандующим. – Ему это, видимо, не нравится»⁶.

На Парижской мирной конференции 1919 г. при посредничестве Бойла Румыния получила от канадского правительства кредит в 25 миллионов долларов. Ему было присвоено звание «Спасителя Румынии». Особую благодарность выказывала ему Королева Мария.

На обороте снимка надпись: «Полковник Джо Бойл во время осмотра дворца [Императора] Николая после убийства. 1918 г.» Речь, видимо, идет об одной из Крымских резиденций

Судя по сохранившимся дневникам вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны и воспоминаниям Великой Княгини Марии Павловны, будучи в эмиграции, они не раз встречались с полковником Бойлом. Во время последнего визита (28 февраля/13 марта 1923 г.) к Императрице, рассказав «о двух своих последних поездках в Россию», он сказал, что если Ей «понадобится человек, которого нужно направить в Сибирь для выяснения достоверных данных» о Царской Семье, то он сделал бы это «с радостью». Месяц спустя Императрица занесла в

дневник весть о неожиданной кончине полковника, произошедшей 1/14 апреля 1923 г. Хэмптон Хилле в Англии.

По словам П.Н. Милюкова, полковник вел дневник, судьба которого, к сожалению, неизвестна.

...А три дня спустя после полковника Бойла (15 ноября) вдовствующую Императрицу Марию Феодоровну посетил еще один англичанин – капитан Ройдз, командир военного корабля «Кентербери», передавший Ей приглашение Итальянского Короля Виктора-Эммануила (женатого на сестре черногорок) выехать в Рим.

Мария Феодоровна твердо стояла на своем. Зато Ее зять, Великий Князь Александр Михайлович просил английского адмирала помочь ему оставить Россию. Когда 9 декабря Ее дочь, Великая Княгиня Ксения Александровна, сообщила о «решительном настрое» своего мужа, Императрица записала в дневнике: «не верится». Однако 13 декабря Александр Михайлович вместе со старшим сыном Князем Андреем Александровичем и его женой Елизаветой Фабрициевной, урожденной Сассо, на которой тот недавно (12.6.1918) женился, всё же отплыли на английском крейсере «Форсайт». Правда на территорию Великобритании, к их великому сожалению, не пустили. Пришлось им удовольствоваться Францией.

Имение Великого Князя Георгия Михайловича Харакс, в котором пребывала вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Вдали виден храм Св. равноапостольной Нины, в котором венчались князья Орловы

Начиная с 12 марта 1919 г. до обитателей Харакса со стоявших неподалеку британских кораблей стала приходить тревожная информация о том, что «ситуация складывается угрожающая». Дурные новости стекались из самых разных мест: Херсона, Николаева, Керчи. 6 апреля пришло известие о взятии красными Перекопа.

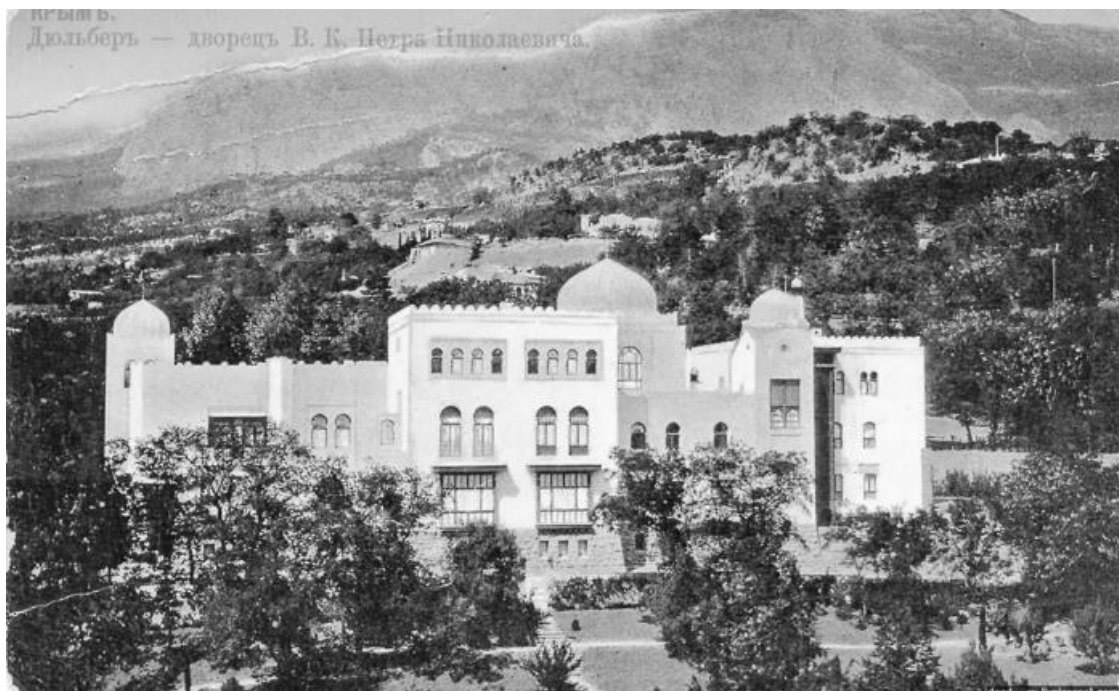

Линкор «Мальборо»

Еще в первых числах апреля 1919 г. в Севастополь прибыл линкор «Мальборо», капитан которого С.Д. Джонстон доставил Ее Величеству личное письмо от Английской Королевы Александры, в котором та просила сестру срочно покинуть Россию.

В конце концов, Мария Феодоровна, понимая, что приход красных подвергает опасности жизни собравшихся здесь Членов Императорской Фамилии, согласилась покинуть Крым, взяв, однако, с английских моряков слово, что те примут на борт всех русских, жизни которых угрожает опасность.

7 апреля, в день рождения дочери, Великой Княгини Ксении Александровны, Мария Феодоровна сделала такую запись в дневнике: «Человек предполагает, Бог располагает. [...]... Пришел граф Менгден и передал от Николаши, что нам необходимо в 4 % прибыть в Дюльбер, чтобы оттуда перебраться на борт корабля».

Дворец Великого Князя Петра Николаевича в Дюльбере, в котором в конце 1918-го и начале 1919-го жили домочадцы его и брата Николая, включая князей Орловых

Однако, когда в условленное время обитатели Харакса достигли Дюльбера, дворец оказался пуст. Великие Князья Николаевичи и их спутники уже садились на «Мальборо», заняв там, по словам Императрицы, «все лучшие каюты».

В тот день линкор начал принимать на борт первых пассажиров, которых оказалось гораздо больше, чем сначала рассчитывали. Пришлось срочно освобождать еще 35 кают, устанавливая дополнительные койки. Капитан Джонстон уступил Государыне Марии Феодоровне собственную каюту и салон.

В половине шестого линкор снялся с якоря, взяв курс на Ялту, где заночевали, пробыв затем еще почти что четыре дня.

Пассажиров принимали вплоть до 11 марта, когда в девять утра корабль вышел в открытое море, унося на своем борту 44 Члена Императорской Фамилии, других знатных особ, а также их экономок, гувернанток, нянек и слуг.

И вовремя: буквально на следующий день в Ялту ворвались отряды Красной армии.

Линкор отплывал ранним утром, уходя – по просьбе вдовствующей Императрицы – последним среди других кораблей, увозивших русских пассажиров с родной земли, на которую возвратиться им не будет суждено уже никогда.

С Марией Феодоровной плыла Ее дочь, Великая Княгиня Ксения Александровна с сыновьями Федором, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием, родственные им князья Юсуповы, Великие Князья Николай и Петр Николаевичи с семьями и князьями Орловыми.

Мы, вспоминал князь Ф.Ф. Юсупов, «смотрели с палубы “Мальборо”, как исчезает крымский берег, последние пяди родной земли, которую пришлось... покинуть. Одна и та же тре-

вога,

одна и та же мысль мучила их: когда возвращенье?..

Памятный знак с надписью на русском и английском языках: «11 апреля 1919 года Ялтинский рейд покинул британский крейсер «Мальборо», навсегда увозя в изгнание оставшихся

в живых Членов Императорской Семьи Романовых, среди них вдовствующую Императрицу Марию Федоровну», установленный 11 апреля 2009 г., в 90-летнюю годовщину этого исторического события

Луч солнца, прорвавшись в тучах, осветил на миг побережье, усеянное белыми точечками, в которых всяк пытался различить свое жилище, бросаемое, быть может, навеки. Очертания гор таяли. Вскоре все исчезло. Осталось вокруг безкрайнее море.

На борту броненосца народу была тьма. Пожилые пассажиры занимали каюты. Кто помоложе устраивались в гамаках, на диванах и прочих случайных ложах. Спали где придется, многие просто на полу.

С горем пополам разместились все. Корабельная жизнь скоро наладилась. Главным занятием стала еда. После долгого-долгого вынужденного поста мы вдруг почувствовали, как оголодали. Никогда еще английская кухня не казалась столь изысканной! А белого хлеба мы и вкус-то забыли! Трехразового питания едва ли хватало утолить голод. Ели мы постоянно. Наша прожорливость не на шутку перепугала капитана. И то сказать: в два-три дня исчезали месячные припасы.

Сыновья Великой Княгини Ксении Александровны на борту линкора «Мальборо»

Утром мы вставали чуть свет, чтобы постоять на поднятии флагов и выслушать английский и русский гимны. Потом голодной ордой бежали на завтрак – сытный английский breakfast. Позавтракав, гуляли на палубе, с нетерпением ожидая обеда. Пообедав, ложились соснуть до пятичасового чая. После чая до ужина – жить еще три часа. В ожидании слонялись по каютам или играли в карты.

В первый вечер молодежь собралась в коридоре. Расселись на баулах и саквояжах. По просьбе друзей я взял гитару и запел цыганские песни. Открылась дверь, из каюты вышла Императрица Мария Федоровна. Кивком она просила меня продолжать, села на чей-то чемодан и стала слушать. Глянув на нее, я увидел, что глаза ее полны слез».

На палубе линкора «Мальборо»

В 11 утра 12 апреля, в канун Вербного воскресения, линкор стал на якорь у Принцевых островов в Мраморном море.

«Впереди над Босфором, – читаем в мемуарах князя Ф.Ф. Юсупова, – сияло солнце в ослепительно синем небе. Позади – черные грозовые тучи опускались на горизонт, как завеса на прошлое.

У Принцевых островов нас обогнали другие корабли с крымскими беженцами, соотечественниками нашими и друзьями. Все они знали, что на “Мальборо” – вдовствующая Императрица, и, проплывая мимо нас, встали на палубе на колени и спели “Боже, Царя храни”.

Пока стояли в константинопольском порту, побывали в соборе Св. Софии».

*Забудем сны. Не надо – так не надо
Ни Золотого Рога, ни Царьграда.*

*И моря мы с тобою не увидим...
Смолчим, и дум не выдадим друг другу,
И выйдем врозь в одну и ту же выюгу⁵.*

16 апреля, записала в свой дневник вдовствующая Императрица, «в последний раз позавтракали с дюльберцами, которые наконец-то покидают нас вместе со своим многочисленным окружением и отправляются в Италию на борту “Лорда Нельсона” с адмиралом Сеймуром. [...] Мы видели, как “Лорд Нельсон” со всеми дюльберцами на борту снялся с якоря и взял курс на Геную».

Итальянской Королевой, напомним, была Елена – сестра черногорок.

⁵ Наталия Ганина.

Великие Князья Николай и Петр Николаевичи с их женами и окружениями на борту линкора «Лорд Нельсон». Апрель 1919 г.

Освободившиеся места заняли новые пассажиры – близкие знакомые Марии Феодоровны.

Всё же не все «дюльберцы» отправились в Италию. Среди тех, кто продолжал пользоваться гостеприимством вдовствующей Государыни, были княгиня Ольга Константиновна Орлова, ее невестка Надежда Петровна и сын Николай Владимирович.

Княгиня Надежда Петровна Орлова на борту линкора «Мальборо»

«Надя Орлова, – оставила запись в своем дневнике под 16 апреля Мария Феодоровна, – с мужем и милым маленьким беби останется у нас». Годовалая княжна Ирина Николаевна была самым маленьким пассажиром английского линкора.

Князя Николая Владимировича Орлова вдовствующая Императрица оценивала невысоко, называя в частных записях «несимпатичным мужем».

Графиня Елизавета Александровна Лидерс (Людерс) – Веймарн – вторая жена Князя Владимира Николаевича Орлова, с которой он обвенчался в 1920 г. после развода

Введенный не так давно в оборот документ (автобиография 1944 г.) позволяет говорить о некоторой (пусть и незначительной) роли князя Орлова младшего в эвакуации Членов Дома Романовых с полуострова.

Сразу же после прихода Добровольческой армии генерала А.И. Деникина в Крым Н.В. Орлов присоединился к ней, исполняя обязанности офицера-переводчика при Британском флоте в Черном море, которым командовал адмирал Калтроп. «Помогал, – пишет он, – британцам организовывать эвакуацию нескольких тысяч беженцев из Крыма на Мальту; среди них была вдовствующая Императрица Мария (сестра Английской королевы Александры), Великий Князь Николай и другие Члены Императорской Фамилии».

«Начиная с мая 1919 г., – сообщает он далее, – служил офицером связи между представителем Русской Белой Армии (генералом Щербачевым) и Британской военной миссией (бригадный генерал Spears), позднее был прикреплен к Верховному союзническому командованию (штаб генерала, позднее маршала Фоша)». Служил Николай Владимирович до конца Белой борьбы в 1921 г., получив чин капитана.

Что касается князя Орлова старшего, то он к тому времени уже был за границей. В дневнике Марии Феодоровны под 11 марта есть запись, в которой Она сообщала о В.Н. Орлове, что тот «находится на пути во Францию, разумеется, вместе с мадам».

18 апреля рано утром в половине шестого «Мальборо», снявшись с якоря, взял курс на Мальту. 20 апреля, в самый день Пасхи, в половине пятого пополудни появились очертания острова.

После того, как пристали к берегу, на борт поднялся губернатор Мальты лорд Метьюен, чтобы засвидетельствовать почтение вдовствующей Императрице.

Дворец «Сан-Антуан» ныне является резиденцией Президента Мальты. В дальнейшем нашем повествовании мы пользуемся информацией из статьи Снежаны Бодиштяну «Мифы и легенды Мальты: Белая эмиграция на Мальте 1919»

На берег пассажиры сошли на следующий день. Военный оркестр на берегу исполнял Русский народный гимн.

Мария Феодоровна с дочерью и внуками, а также небольшой свитой расположились во дворце «Сан-Антуан».

По свидетельству очевидцев, Императрица Мария Феодоровна часто посещала расположенную во дворце Русскую часовню, с которой связано любопытное предание.

Вот как передавала его княжна Наталья Павловна Путятинна (1902–1984), прибывшая на Мальту в 1919 г. вместе с братом, вышедшая здесь замуж и основавшая тут академию русского балета.

Связана легенда с дочерью Императора Александра II – Великой Княжной Марией Александровной, выданной замуж за сына Английской Королевы Виктории – Альфреда Герцога

Эдинбургского. В качестве свадебного подарка она получила исполненное по специальному заказу драгоценное кольцо, состоявшее из 28 уникальных по величине крупных рубинов, усыпанных бриллиантами, и диадему.

В 1876 г., рассказывала Н.П. Путятин, Герцогиня Эдинбургская Мария после появления на Мальте ее дочери Виктории-Мелиты молилась о ее здравии и благополучии именно в этой дворцовой Русской часовне, спрятав там один из крупных рубинов. (Речь идет о Великой Княгине Виктории Феодоровне – внучке Императора Александра II.)

Прочие пассажиры «Мальборо» разместились в разных отелях и особняках Валлетты.

Вскоре на Мальту прибыли новые беженцы. По примерным оценкам их было около 800 человек. Пришлось губернатору спешно искать места для их размещения. Временным пристанищем для них стали бараки St. George's, St. Andrew's, Tigne и колледж St. Ignatius.

В дни Своего пребывания на острове вдовствующая Императрица ежедневно обходила Своих поданных, утешая и оказывая посильную помощь.

В Русской часовне после недавней реставрации

Перед отплытием 29 апреля на корабле «Лорд Нельсон» в Англию Мария Феодоровна попрощалась со своими спутниками по плаванию на «Мальборо», в том числе и с семьей князей Орловых, живших в то время в отеле «Империял» в Слиме.

Располагавшаяся рядом с Валлеттой, эта тихая рыбацкая деревушка уже в то время являлась одним из самых популярных курортов Средиземного моря, в которой располагались гостиницы, славившиеся своей фешенебельностью.

Одним из самых популярных мест на острове был ломбард, располагавшийся по адресу: 46, Monte di Pieta Buildings, Merchant's Street, Valletta.

Именно сюда бежавшие от ужасов революции русские люди снесли в 1919–1922 гг. многие фамильные ценности. Не были исключением семьи князей Юсуповых и Орловых.

Из этого мальтийского ломбарда многие уникальные шедевры ювелирного искусства попали затем на аукционы Кристи и Сотбис, пополнив частные европейские и заокеанские коллекции.

Лишь немногие из русских беженцев остались затем на Мальте. Большинство же продолжили свой нелегкий путь изгнанников.

Среди последних были и князья Орловы. Тем более, что им было, куда ехать...

Урало-сибирское следствие

Следователь Н.А. Соколов

Ну, а теперь оставим на время князей Орловых и перенесемся из Европы в Россию, к тому, кто еще не знал о том, что ему в самом скором времени предстоит этот путь, но до этого начнется дело всей его жизни – Царское дело.

10 января 1918 г. следователь по особо важным делам Пензенского Округного суда Николай Алексеевич Соколов подал заявление с просьбой освободить его от службы в связи с ухудшением состояния здоровья.

Причина была в другом. По словам Роберта Вильтона, «в течение многих лет он служил судебным следователем в г. Пензе. Когда там воцарилась советская власть, он оставил свой дом, свою семью и ушел буквально пешком в Сибирь, не желая подчиниться, как он говорил, “предателям моей Родины”».

По свидетельству другого его будущего сотрудника, капитана П.П. Булыгина, Николай Алексеевич был хотя и молодым, но уже известным в своих кругах. «Он был назначен следователем по важнейшим делам при пензенском окружном суде министром юстиции Щегловитовым, который очень выдвигал его». То есть происходил из тех же «щегловитовских птенцов», что и сотрудник Генри Форда – Б.Л. Бразоль, что, несомненно, потом еще сыграет свою роль.

Н.А. Соколов в крестьянской одежде, в которой – через занятый красными Урал – он пробрался в Белую Сибирь. Фото из собрания М.К. Дитерихса

Десять дней спустя Н.А. Соколов покинул город – подальше от захвативших город большевиков. В Пензе, как пишут, осталась его жена, с которой впоследствии, по каким-то причинам, он так и не смог воссоединиться. Брак был венчанный со всеми вытекающими отсюда трудными последствиями.

(В Париж в 1920 г. Соколов приедет уже со второй женой, беременной его ребенком, о чем речь еще впереди.)

С тех пор у него уже никогда не будет собственного дома: снятые на время комнаты, железнодорожные вагоны, гостиницы, предоставленное временное жилье.

Будет жизнь на колесах, полностью посвященная единственному и самому главному, ибо, как он сформулировал сам: «Правда о смерти Царя – правда о страданиях России».

Путь Н.А. Соколову предстоял дальний да к тому же и непростой.

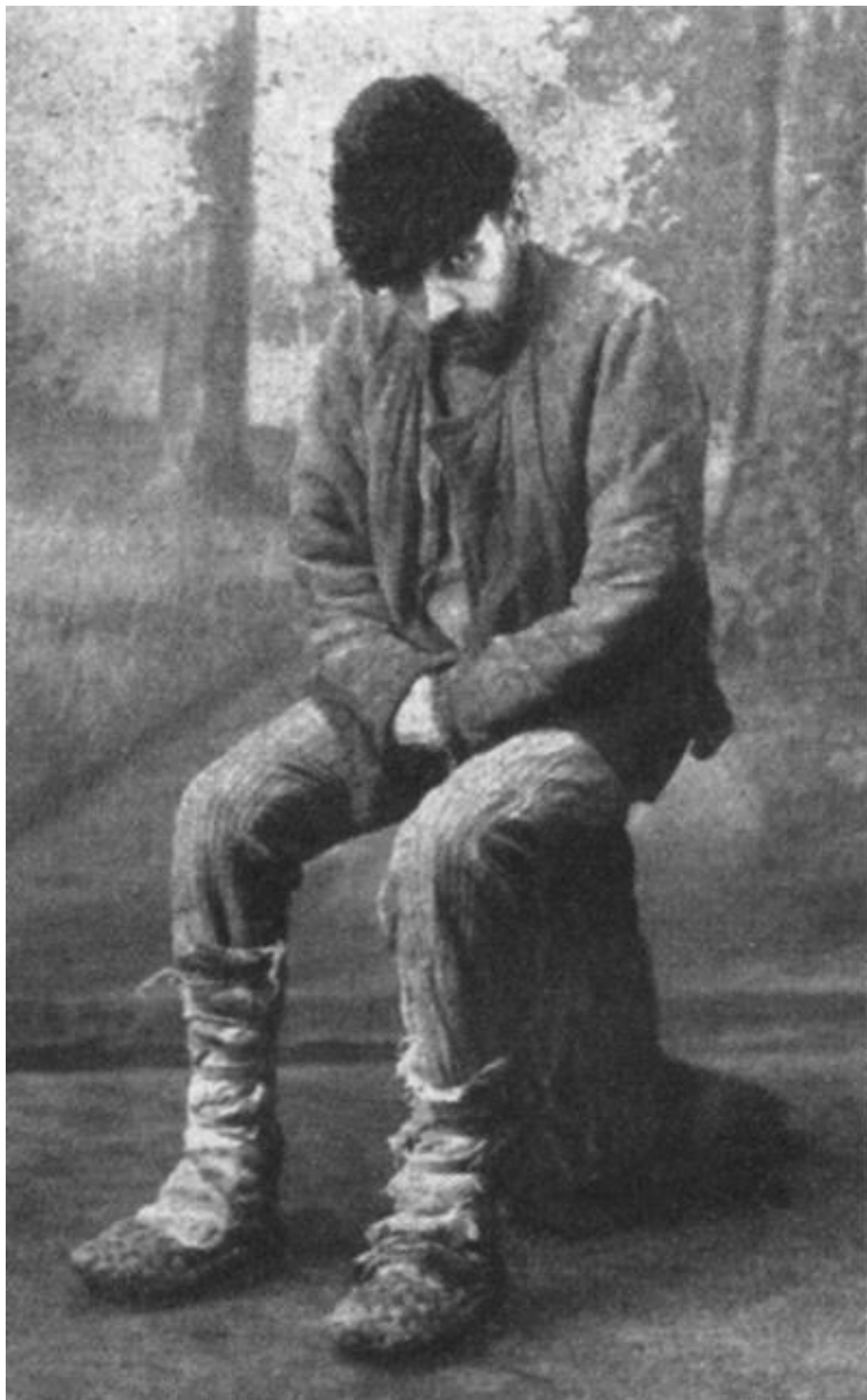
Роберт Вильтон: «Он переоделся в костюм крестьянина-оборванца и после долгих скитаний и полных всевозможных опасностей приключений, перейдя фронт, достиг, наконец, Сибири».

П.П. Булыгин: «В Омск Соколов пришел переодетым бродягой, что ему прекрасно удалось из-за его исключительного знания жизни и быта простонародья».

Источник этих знаний, давших следователю возможность не только совершить эту одиссею по красным тылам, но и впоследствии вести следствие по царубийству, раскрыл в своей книге генерал М.К. Дитерихс:

«Окончив университет, как молодой юрист, он возвращается снова в народ и на этот раз проникает в другую среду народа – среду преступную, уголовную, порой жестокою до зверства. Но она не отталкивает его, не заставляет разлюбить свой народ; наоборот, как развитой, образованный, начитанный и идейный человек, он и тут находит место любви, ибо видит всегда основные причины, корень зла преступности в большинстве обследуемых им объектов – темноту и некультурность – и привязывается к народу еще больше по основному качеству русского человека – жалости.

Он приобретает способность разговаривать с преступником, добиваться от него правды, исповеди, признания; он беседует с ним, гуляет, живет, пьет чай, курит, и еще накануне упорствовавший уголовник, назавтра начинает говорить, рассказывать, увлекается, плачет даже иногда. Поразительно, что преступники, выводившиеся им на свет Божий, почти никогда не питали к нему чувства злобы; чаще всего их отношение к нему выражалось словами: “ловко он меня поймал”, с тоном удивления, а не злобы».

Другая фотография, сделанная тогда же (после путешествия по большевицким тылам) в одном из сибирских фотоателье

В той же книге генерала содержатся и более подробные сведения об этом переходе:

«Когда, бежав от большевиков из Пензы, он переоделся простым, бедным крестьянином, из него создался характернейший тип бродяги, босяка, хитровца из повестей Максима Горького. [...]

Директор Екатеринбургского отделения Волжско-Камского банка Владимир Петрович Аничков (1871–1939)

Скрываясь во время своего бегства из Пензы от большевиков и направляясь к нашим линиям, в одной деревне он наткнулся на мужика, который года за три до этого был изобличен им в убийстве и ограблении своей жертвы. Мужик судился и был присужден к большому наказанию. Революция дала ему возможность вернуться к себе в разоренное за его отсутствие гнездо.

Он узнал Соколова, и Соколов узнал его. Кругом были красноармейцы. Мужик мог легко отомстить. Но он не сделал этого, взял к себе в избу, накормил и дал переночевать. А наутро, отправляя Соколова, принес ему старую, продранную шапку и подал со словами: “Одень эту, а то твоя хороша, догадаются”».

Живой рассказ самого Н.А. Соколова присутствует и на страницах мемуаров екатеринбуржца В.П. Аничкова, в доме которого он жил во время следствия:

«Про себя Соколов говорил, что пешком пробрался из Пензы, где служил следователем по особо важным делам, в Самару и на этом опасном пути чуть было не попался в руки к красным. Переодевшись крестьянином, он проходил какое-то село, в котором оказались красные войска. Узнав об этом, Соколов решил войти в первую попавшуюся избу. Изба, в которую его пустили, принадлежала зажиточному крестьянину, и он рассчитывал, что её хозяин не большевик. Расчёты оправдались: хозяин недружелюбно отзывался о Красной армии.

Генерал-лейтенант С.Н. Розанов

Соколов попросил дать ему самовар. Разговорившись с крестьянином дальше, этот мужик ему казался всё знакомее. Когда же бабы вышли из избы, хозяин, оставшись с Соколовым наедине, обратился к нему со следующими словами, от которых гостя бросило в пот:

– А ты что же, ваше высокоблагородие, меня-то не узнаёшь, что ли? Ведь я такой-то (он назвал свою фамилию). Ты же меня тогда допрашивал; по твоей милости я и в арестантские роты попал. Что, небось теперь узнал? Не бойся, ваше высокоблагородие, я тебя всё же не выдам, потому что, по правде сказать, ты тогда правильно поступил. А вторую тебе правду должен сказать, почему не выдам, – что уж больно сволочь эта красная рвань, что теперь в начальство лезет... А ты вот что, собирайся в путь. Да дай-ка я тебя научу, как в лапти обуваться следует, а то ты так онучи повязал, что сам себя с головой выдашь.

И он обул ему ноги.

Спасибо ему. После этой встречи с арестантом следователь так шёл, что, кажется, и на лошадях его не догнали бы.

– А какое интересное, по воспоминаниям, было это путешествие! – продолжал Соколов. – Дня через два в лесу я встретил девку и монашку и разговорился с ними. Вдруг вижу, что монашка мне отлично знакома. Ею оказалась некая Патрикеева, жена племянника богатого фабриканта Шатрова. [...]

...Стало веселее идти, проводил я её до самого монастыря, в котором она думала укрыться от большевиков. Муж её находился в Петрограде и не мог до неё добраться».

«Последние 40 верст, – рассказывал Вильтон, – Соколов прошел с большим трудом, т. к. его ноги представляли собой сплошные раны».

«Верховному Правителю, – вспоминал П.П. Булыгин, – его рекомендовал генерал Розанов, знавший его по прежним временам, и адмирал Колчак ему доверяет».

Начальник штаба Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Уфимской директории генерал Сергей Николаевич Розанов (1869–1937)⁶ и сам бежавший от красных, рекомендуя Н.А. Соколова министру юстиции, писал: «В последнее время пребывания его на территории советской власти стало положительно невозможным, и он почти одновременно со мною прорвался через фронт, пройдя расстояние от Пензы до Сызрани пешком под видом нищего».

---

⁶ Генерал-лейтенант С.Н. Розанов окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую Академию Генштаба, участник русско-японской и Великой войны. В 1916 г. генерал-майор. Стронник военной диктатуры. В 1919 г., будучи генерал-губернатором Енисейской губернии, разгромил все основные очаги красного партизанского движения в Восточной Сибири. С июля 1919 г. до конца января 1920 г. главный начальник Приамурского края. Во время антиколчаковского переворота в Иркутске объявлен «врагом народа». 31 января 1920 г., во время восстания во Владивостоке выехал в Японию. Затем переехал в Пекин, а впоследствии во Францию. Скончался 28 августа 1937 г. в Медоне.

Князь В.В. Голицы

По рассказам потомков генерала (человека неоднозначного, о чем у нас еще будет случай поговорить в своем месте), тот знал следователя еще по Пензе, когда в июле 1910 г. был назначен командиром расквартированного там 178-го Венденского пехотного полка, с которым в 1914-м вступил в войну. Сблизила же их охота, которую они вели в имении тещи С.Н. Розанова – баронессы фон Розен.

Знакомство это имело свое продолжение, о чем нам еще придется рассказать далее.

Другим поручителем Н.А. Соколова был полковник князь Владимир Васильевич Голицын (1878–1919)⁷.

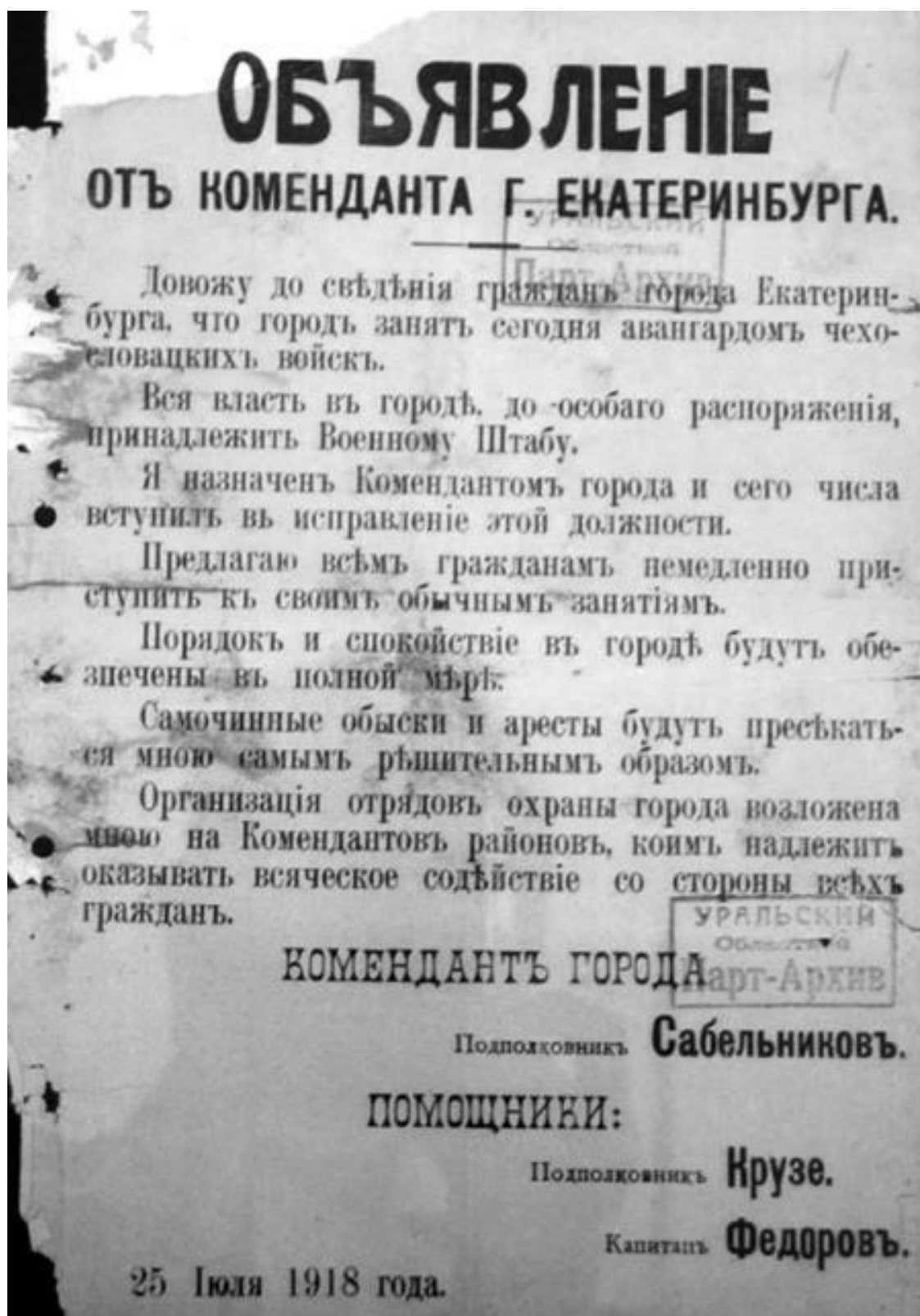
⁷ Князь В.В. Голицын – участник подавления боксерского восстания в Китае в 1900–1901 гг., русско-японской и Великой войн. После большевицкого переворота вместе с генералом Л.Г. Корниловым формировал на Дону Добровольческую армию.

Князь был одним из тех, кто в конце июля 1918-го освободил от красных Екатеринбург, став первым командующим городским гарнизоном, инициировав своим приказом первое расследование убийства большевиками Царской Семьи.

19 октября 1918 г. Н.А. Соколов получил официальное назначение: товарищем прокурора Иркутского Окружного суда, а 5 ноября – следователем по особо важным делам Омского Окружного суда.

Участник Ледяного похода. После гибели Корнилова вместе с семьей выехал на Урал. Участник взятия Екатеринбурга. В октябре 1918 г. назначен уполномоченным по охране государственного и общественного спокойствия в пределах освобожденной части Пермской губернии. Сформировал, а затем командовал 7-й Уральской горнострелковой дивизией. За участие в Пермской операции в январе 1919 г. награжден орденом Св. Георгия IV степени и произведен в генерал-майоры. В течение следующего полугодия командовал 3-м Уральским горнострелковым корпусом. Генерал-лейтенант. С июня 1919 г. начальник всех добровольческих формирований в Новониколаевске (включая Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени). Командуя Уральской группой Русской армии, пропал без вести на подступах к Красноярску.

Объявление о взятии белыми Екатеринбурга

Обстановка, в которой – накануне передачи дела Н.А. Соколову – проводилось расследование цареубийства, была просто ужасающей.

Посетивший Ипатьевский дом профессор Томского университета Э.В. Диль был поражен: «Чья-то оставленная контора, двери настежь, всякий желающий мог приходить и видеть или слышать всё, что там происходило. Охраны, тайны или конспиративности я не заметил.

[...] Осмотр дома Ипатьева оставил во мне очень неприятный осадок. Охрана дома была далеко не на высоте. Часовые гуляли по всем комнатам; бывали случаи проникновения посторонних лиц в сад, расположенный около дома. [...]

Каравл чешских солдат у Ипатьевского дома. Зима 1918–1919 гг.

На мой вопрос, насколько подробно сфотографированы дом, сад и комнаты немедленно по овладении им белыми и в начале следствия, член суда Сергеев [ведший следствие. – С.Ф.] сообщил, что он не делал снимков...»

Обстоятельства, при которых передавалось дело, можно почерпнуть из книги Вильтона (сочетая русский перевод его книги и оригинальный русский текст, написанный им):

«Колчаковские министры, избранные из среды прежних сотрудников Директории, весьма мало интересовались вопросом Монархии и налагали на судебное следствие свой политический отпечаток. Министр юстиции, бывший петербургский адвокат, сосланный в Сибирь, оказывал давление на следствие. Он сам в этом признался письменно».

Министр юстиции Сергей Созонтович Старынкевич (1874–1933) с молодости был замешан в антиправительственных делах. Еще в студенческие годы он подвергался административным наказаниям: в 1896–1897 гг. за участие в демонстрации по случаю Ходынской трагедии, а в 1899 гг. – за членство в совете Союза объединенных землячеств. С 1905 г. он член партии эсеров, входил в ее военную организацию, участник Московского вооруженного восстания, после которого вынужден был бежать за границу. Пребывал сначала в Баварии, а потом в Швейцарии.

В 1907 г., перебравшись в Великое княжество Финляндское, организовывал там революционный офицерский союз и солдатские объединения, за что осенью 1907 г. был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Восточную Сибирь. После февраля 1917 г. Старынкевич возобновил свою революционную деятельность, опираясь в том числе и на свое знакомство с А.Ф. Керенским.

Стоит ли при таком послужном списке удивляться тому, что Сергей Созонтович позволял себе проделывать, занимая пост министра юстиции.

«Чрезвычайно характерна та роль, – отмечает Вильтон, – которую играл Старынкевич по отношению к евреям в Екатеринбургском избиении [цареубийстве]. Как это ни странно, но Старынкевич категорически отвергал участие евреев в этом убийстве, несмотря на неопровержимые улики следствия. Это может быть удостоверено документально письмом секретаря

Еврейского комитета [“Alliance Israelite”], который пишет о своем интервью со Старынкевичем следующее:

“Министр юстиции Старынкевич выдал мне удостоверение, в котором собственной рукой написал: «Удостоверяю, что, как по данным предварительного следствия, так и по другим, в числе привлеченных по делу убийства последнего Императора Николая II и Его Семьи нет ни одного человека еврейского происхождения»”.

Далее в том же письме говорится следующее:

“Я (секретарь еврейского комитета) задал министру (Старынкевичу) вопрос: «Как он объясняет тот факт, что генерал Нокс послал в Британское Военное министерство рапорт противоположного содержания?» Старынкевич объяснил, что русские военные круги энергично отстаивали свое убеждение, что убийство Царской Семьи – дело еврейских рук. С этим убеждением ему, Старынкевичу, пришлось бороться, и хотя данные предварительного следствия вполне выяснили полное отсутствие евреев, но военные круги настойчиво стояли на своем и заставили Министерство взять дело из рук члена Суда Сергеева и передать другому судебному следователю. Эта военная компания была так сильна, что Старынкевич был вынужден подчиниться. Но и новый судебный следователь Н.А. Соколов также не нашел участия евреев в этом деле”».

«“Военные”, – уточняет далее английский журналист, – о которых говорит Старынкевич, никто иной, как один генерал Дитерихс, в то время командовавший Уральским фронтом. Именно М.К. Дитерихс настаивал на передаче дела в другие руки. Адмирал Колчак, разделяя взгляды Дитерихса, дал ему особые полномочия (2/15 января 1919 года)».

Что же до сути дела, то она нашла свое отражение в представлении генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса Верховному Правителю А.В. Колчаку от 28 апреля 1919 г.

«Мне, лично, – писал Михаил Константинович, – на основании изучения всей совокупности обстоятельств: предшествовавших убийству, характера самого убийства и, особенно, сокрытия следов преступления – вполне обрисовывается, что руководство этим злодеянием исходило не из русского ума, не из русской среды. Эта сторона дела придает убийству б. Царской Семьи совершенно исключительное по исторической важности значение...»

Екатеринбург после занятия его белыми. Вид на Вознесенскую площадь. На заднем плане виден Ипатьевский дом. Фотография сделана от усадьбы Разумовских

Именно этого больше всего и боялся министр-революционер С.С. Старынкевич, инициировав рассмотрение 15 апреля 1919 г. в Правительстве своего заявления «о незаконных действиях некоторых военных начальников».

Пусть, конечно, и безуспешно, но, как говорится, «отметился».

На том же самом, напомним, настаивал и происходивший из выкрестов И.А. Сергеев (предшественник Н.А. Соколова), дававший интервью своему единоплеменнику – американскому журналисту Герману Бернштейну, посланцу Я. Шиффа и, одновременно, сотруднику Коминтерна и ОГПУ.

Того же впоследствии пытались добиться от Н.А. Соколова уже в Париже «лидеры российского умеренного еврейства – Пасманик и Слиозберг».

В ту же дуду продолжали дудеть и позже: англичане Энтони Саммерс и Том Мангольд (1976) и американка Шэй МакНил (2001), а вслед за ними и некоторые наши исследователи, пусть и не разделяющие основную концепцию этих авторов о мнимом спасении Царской Семьи, но солидарные с ними в главном *для них* — о «цареубийственном навете». (Не зря говорится: *Бог шельму метит.*)

Имея в виду деятельность (вернее намеренное бездействие) С.С. Старынкевича и всех подведомственных ему судебных и следственных властей, Вильтон замечал: «Адмирал Колчак, ставши Верховным Правителем в ноябре, не хотел дать ему приказ прекратить ту трагическую пародию на следствие, которую разыгрывал Сергеев, и терпеливо ждал до января».

Сам Н.А. Соколов так описывал последовательность передачи ему дела:

«18 ноября 1918 года верховная власть сосредоточилась в руках Верховного Правителя Адмирала Колчака.

17 января 1919 года за № 36 Адмирал дал повеление генералу Дитерихсу, бывшему главнокомандующему фронтом, представить ему все найденные вещи Царской Семьи и все материалы следствия.

Постановлением от 25 января 1919 года член суда Сергеев, в силу повеления Верховного Правителя, как специального закона, выдал Дитерихсу подлинное следственное производство и все вещественные доказательства. [...]

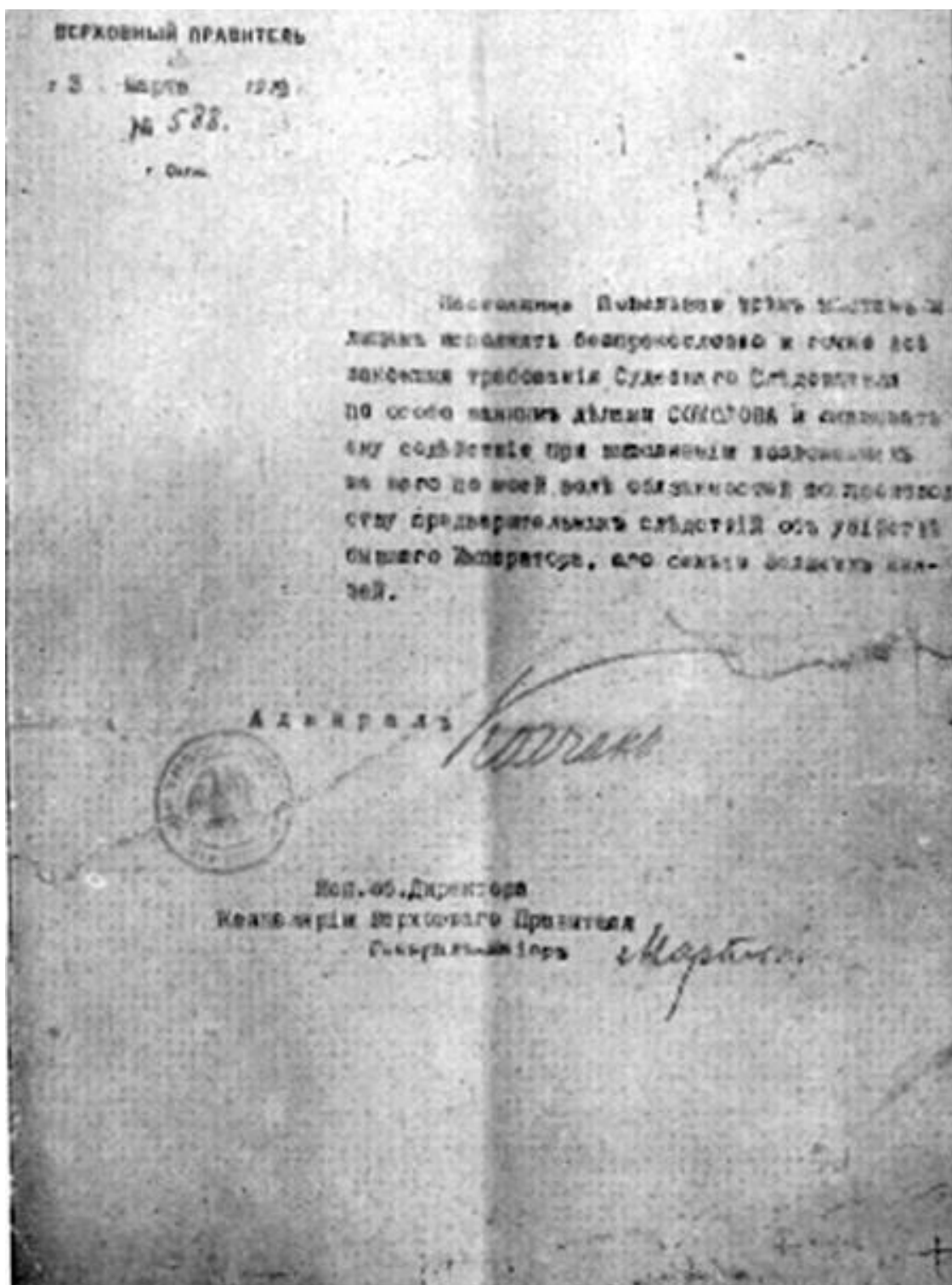
В первых числах февраля месяца генерал Дитерихс доставил все материалы в г. Омск в распоряжение Верховного Правителя.

Высшей власти представлялось опасным оставлять дело в общей категории местных «екатеринбургских» дел, хотя бы уже по одним стратегическим соображениям. Казалось необходимым принятие особых мер для охраны исторических документов. [...]

5 февраля меня вызвал к себе Адмирал. [...] Он приказал мне ознакомиться с материалами следствия и представить ему мои соображения о дальнейшем порядке расследования. [...]

6 февраля Адмирал сказал мне, что он решил сохранить обычный порядок расследования и возложить его на меня.

7 февраля я получил предложение министра юстиции о производстве предварительного следствия и в тот же день принял от генерала Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

3 марта, перед моим отъездом к фронту, Адмирал нашел необходимым оградить свободу моих действий особым актом»:

«Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования Судебного Следователя по особо важным делам Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего Императора, Его Семьи и Великих Князей.

Адмирал Колчак».

Верховный Правитель, по словам капитана П.П. Булыгина, говорил ему о Николае Алексеевиче Соколове: «Я ему верю, это золотой человек».

«Колчак, – вспоминал Павел Петрович, – в период работы следствия в Екатеринбурге, приезжая на фронт, всегда вызывал к себе Соколова для обстоятельного доклада, интересуясь всеми подробностями работы. Особенно живо интересовался он судьбой Великого Князя Михаила Александровича. [...]

Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак в Екатеринбурге

Соколова подкупала в Верховном Правителе искренность и простота. Однажды в Екатеринбурге доклад Соколова адмиралу и совещание с ним о нужных мерах в работе затянулись до 4-х часов утра. Усталый и раздражительный Соколов в пылу разговора, возражая на какую-то фразу адмирала, ударил его по колену:

– Да что вы мне ерунду говорите!..

Но сейчас же опомнился:

– Простите, Ваше Высокопревосходительство, – я забылся...

– Что? Полноте, Николай Алексеевич, я и не заметил...»

«Он был в хороших отношениях, – писал сдававший Н.А. Соколову комнату В.П. Аничков, – и с Верховным Правителем, а особенно с генералом Дитерихсом, о котором отзывался лестно, говоря, что тот много раз оказывал ему незаменимые услуги».

Прикосновенность к расследованию царевубийства изменила обоих: и адмирала А.В. Колчака, и генерала М.К. Дитерихса.

Михаил Константинович стал, в конце концов, убежденным монархистом.

Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс

Адмиралу же Колчаку это на многое раскрыло глаза, следствием чего стала выдача его «союзниками» эсеро-меньшевицкому (т. е. по существу красному) «Политцентру», завершившаяся его убийством.

Недаром сохранивший к Верховному Правителю благодарную память Н.А. Соколов хотел сразу же после завершения расследования по Царскому делу написать о нем книгу.

«Я должен, – говорил он в Париже П.П. Булыгину, – начать эту книгу сразу же по завершению теперешней работы. Это мой долг перед памятью Адмирала...»

Что касается самого Николая Алексеевича Соколова, то знавшие его люди воспринимали его поначалу и потом, после более близкого с ним знакомства, по-разному.

Хозяин дома, в котором он жил в Екатеринбурге В.П. Аничков: «Не могу сказать, чтобы следователь произвёл на меня приятное впечатление, но его присутствие вносило много интересного в нашу жизнь. Приходя из суда обычно к вечернему чаю, он рассказывал нам о результатах следствия».

«Он показался мне очень квалифицированным, полной противоположностью своего предшественника», – так описывал свои впечатления после первого допроса Чарльз Сидней Гиббс.

А вот каким его увидел в августе 1919 г. в Омске П.П. Булыгин:

«Из двери вышел небольшого роста человек лет 40 в защитном френче и валенках. [...] У него были черные, редкие волосы, громадный, далеко на голову уходящий лоб – просторная коробка для многих знаний и больших дум, утомленное серое лицо, которому неподвижный вставной треснувший стеклянный глаз и пристальный внимательный взгляд другого придавали странное выражение.

Адмирал А.В. Колча

Ясно чувствовалось впечатление асимметрии и беспокойства. Этому способствовало и неординарное положение черных усов, один из которых Соколов постоянно нервно тербил и кусал. У него была еще и другая привычка: говоря с вами, он сутуло горбился, раскачивался и медленно потирал свои руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.